

Птица обрела крылья

Автор:

Анна Морион

Птица обрела крылья

Анна Морион

Богатство никогда не приходит без слез, и у бедной бесприданницы нет выбора, кроме как продать себя тому, кто пожелает ее купить. Согласившись на брак, который сделал ее богатой, девушка не представляла, что за секреты хранит ее супруг, и то, как дорого ей придется заплатить за этот выбор. Птица обрела крылья, но они не только поднимают в небеса, но и, усталые долгой борьбой с ветром, заставляют падать на землю.

Вторая часть дилогии "Бескрылая птица".

Анна Морион

Птица обрела крылья

Глава 1

– Вивиан вышла замуж за Джереми?! – недоверчиво воскликнул Энтони и, отобрав у брата газету, быстро нашел в ней достаточно пространное известие о том, что молодожены сочтались браком, не дождавшись окончания траура по усопшему мистеру Уингтону, и что на их венчании в прекрасной англиканской церкви Всех Святых присутствовали лишь близкие друзья.

– Энтони, это правда? – изумленным тоном спросила сына леди Крэнфорд. Она была настолько удивлена новостью, что даже пролила на свое красивое черное платье несколько капель чая.

– Чистая правда, матушка, – с усмешкой ответил Энтони, но не потрудился подать матери газету, чтобы та смогла убедиться в правдивости его слов.

– Вивиан и Джереми Уингтон! – презрительно улыбнулась графиня: ее удивление сменилось насмешкой. – А она все-таки добилась своей цели, ради которой приехала в Гринхолл! Вышла замуж за богатого мужчину! И какого! За твоего вечно пьяного приятеля!

– Возможно, вы забыли о том, что еще совсем недавно таким «пьяным приятелем» был и я? – бросив газету на стол, парировал Энтони. – Но вы почему-то все еще считаете меня достойным джентльменом, в то время как на Джереми уже давно поставили клеймо! И не только на него, но и на вашу собственную племянницу!

– Я не ставила никакого клейма ни на нем, ни на ней, – холодно бросила леди Крэнфорд. – О том, что твой приятель мистер Уингтон распутник и пьяница, известно всему Лондону, но высший свет принимает этот факт из-за того, что он – наследник огромного богатства... Ах, да, уже не наследник, но владелец!

– А Вивиан, по-вашему, интриганка и соблазнительница! – не удержался от злого смеха Энтони. – Матушка, вы правы! Она и Джереми прекрасная пара! И я с удовольствием поздравлю их с этим счастливым событием! Не стану мешкать и сейчас же напишу им письмо! – Он поднялся из-за стола и, пожелав всем хорошего утра, удалился в свои покои. Эго душа была наполнена гневом на ядовитые речи матери, но и искренней радостью за Вивиан, которая обрела то, о чем мечтала: богатого мужа. И, даже зная характер и пристрастие своего друга, а теперь супруга его кузины, к спиртному и публичным домам, Энтони был уверен в том, что воля супруги, этой прекрасной и сильной духом девушки, изменит Джереми в лучшую сторону.

Вивиан, о которой мечтал сам Энтони, которую просил стать его женой, теперь была супругой другого мужчины, но молодой Крэнфорд принял это как должное.

– Так что за девица эта Вивиан? – поинтересовался у матери Ричард, когда его младший брат покинул столовую. Он внимательно следил за ссорой матери и брата, которая не только не смутила его, но даже позабавила и разожгла в нем костер любопытства: кем была его загадочная кузина, раз смогла женить на себе несметно богатого джентльмена, не принеся ему и цента приданого?

«В ней должно быть что-то особенное, – решил Ричард. – Недаром она вызывает у моей матери такое пренебрежение. И что такого она сделала, что матушка так возненавидела ее?»

Несмотря на частую переписку, леди Крэнфорд и ее старший сын не спешили делиться друг с другом новостями о недопонимании с другими членами их семьи, поэтому о противостоянии мисс Коуэлл и его матери Ричард информации не имел. Да и леди Крэнфорд не желала, чтобы произошедший в Гринхолле, по ее вине, скандал стал известен сыну: она знала, что, как и Энтони, Ричард упрекнет ее в недалёковидности и, возможно, тоже рассердится на то, что она едва не разрушила отменную репутацию Крэнфордов. Поэтому графиня молчала и попросила молчать и Энтони, который согласился лишь потому, что не желал приносить брату еще больше волнений.

– Я писала тебе о ней: она дочь моей покойной старшей сестры Кэтрин, – спокойным тоном напомнила сыну леди Крэнфорд. – Она приехала в Гринхолл с одним лишь чемоданом и большими амбициями удачно выйти замуж.

– И это у нее получилось, – заметил Ричард. – О богатстве семейства ее супруга до сих пор сплетничают. Говорят, усопший Уингтон имел не только огромные счета в банках и сундуки с золотом, но и большие владения, как в Англии, так и за ее границами.

– Я тоже слышала об этом семействе, – вставила Агнес Крэнфорд. – Мой отец знал покойного и рассказывал мне о том, что тот был скуп и несговорчив...

– Пони! Хочу покататься на пони! – оглушительно крикнул Альберт.

– Хорошо, будет тебе пони, но только со мной! – строго сказал ему отец и отобрал у мальчика ложку. – Если ты уверен, что насытился, можешь идти в детскую!

– Ты обещаешь мне, папа? Обещаешь? – с загоревшимися глазами захолопал в ладоши Альберт. – Когда? Давай сейчас?

– Дружок, разве ты не видишь, что папа все еще завтракает? – мягко одернула мальчика его мать. – Иди, поиграй в детскую.

– Нет, я пойду к Китти! Я обещал рассказать ей сказку! – сказал Альберт и, вскочив из-за стола, строго взглянул на отца: – Папа, когда позавтракаешь, приди за мной к Китти! Ты обещаешь?

– Обещаю. Ну же, беги к сестре, – улыбнулся Ричард сыну, и тот с громким воплем радости выбежал из столовой.

– Мама, могу я тоже выйти из-за стола? – умоляющим тоном спросила всегда послушная и тихая Виктория. – Я тоже пойду к Китти.

– Пойдем вместе, моя хорошая, – ответила Агнес, которой беседа ее супруга с его матерью была не особо интересна. – И давай захватим для нашей малышки пару булочек с джемом!

Когда Агнес и Виктория покинули столовую, унося с собой вкусные свежее испеченные булочки, банку малинового джема и высокий стакан молока, Ричард и его мать могли вдоволь обсудить такой неразумный выбор Вивиан. Позлорадовав, оба согласились с тем, что, несмотря на ужасную репутацию мистера Уингтона, он все же был невероятно богат, возможно, даже богаче самого графа Крэнфорда, и с этим невозможно было не считаться.

– Но, матушка, признайтесь, за что вы так не любите мисс Коуэлл? – с улыбкой спросил Ричард.

– Отчего ты так решил? – пожала плечами леди Крэнфорд и преспокойно сделала глоток чаю.

– Это очевидно: вы так радуетесь тому, что она стала супругой дурного характером мужчины, что нелюбовь и презрение к ней скользят в каждом вашем слове, – ухмыльнулся Ричард.

– Ты преувеличиваешь, мой дорогой: у меня нет к ней злых чувств... Еще чаю! – Повелительно сказала графиня, и горничная, одетая в красивую опрятную форму, тотчас наполнила ее фарфоровую кружку с красивым узором ароматным черным чаем.

– Не желаете ли немного молока, мэм? – осведомилась горничная.

– Нет, не в этот раз, – ответила леди Крэнфорд, и горничная беззвучно заняла свое место недалеко от хозяйского стола. – Нет, Ричард, я никогда не желала Вивиан зла, но, признаюсь: ее характер и средства достижения целей мне совершенно не по душе. Думаю, Энтони не стал делиться с тобой тем, что он влюблен в нее и что сделал ей предложение руки и сердца?

– Какие новости! Нет, матушка, я впервые об этом слышу! – оживился Ричард и весело рассмеялся. – Ах, Энтони! Утаил такое от старшего брата! Значит, он влюблен в нее, а она, должно быть, влюблена в него! Но почему тогда мисс Коуэлл вышла замуж за другого мужчину? Признайтесь, матушка: это ваши деяния?

– Мои? Мальчик мой, за кого ты меня принимаешь? – поморщилась леди Крэнфорд. – Вивиан красива, даже слишком... Хотя ее рыжие волосы и зеленые глаза придают ей вид средневековой ведьмы...

– Зеленые глаза и рыжие волосы! Занятно! – хмыкнул ее собеседник. – Но не могу вспомнить, чтобы в нашем роду были ведьмы и колдуны.

– Это все ее отец: испортил нашу знатную породу, – бросила на это графиня, и ее губы скривились в презрительной усмешке. – Моя сестра никогда не отличалась большим умом и убежала с первым, кто нашептал ей красивые фразы и обещания. И это ввернуло ее в нищету. Умирая, Кэтрин попросила меня принять ее дочь и помочь ей с дебютом, что я и сделала. У меня ведь такое доброе мягкое сердце... – Она тяжело вздохнула. – И знаешь, чем отплатила мне моя бедная племянница, которую я приняла в своем доме с распростертыми объятиями? Энтони отрицает это, но я уверена: она флиртовала с ним и заставила его отдать ей свое сердце.

– Вот как! Она желала женить его на себе? – удивился Ричард: беседа о его таинственной кухне становилась все более занятой.

– И он попал в ее капкан и сделал ей предложение, – утвердительно тоном поведала графиня сыну. – Энтони готов был пожертвовать своим богатым будущим, которое могла бы дать ему другая, богатая девушка... Но Вивиан растоптала его. Она всего лишь играла с нашим бедным мальчиком. И теперь я понимаю, кто заставил ее отказаться от своей первоначальной цели! Друг Энтони! Эта девица решила, что этот пьяница и распутник сможет дать ей намного больше, и наш Энтони стал ей неинтересен. А он так страдает из-за этой негодяйки... Мое сердце плачет при мысли о том, что всему виной моя добросердечность.

– И что случилось после того, как она ответила Энтони отказом? – допытывался Ричард: в его сердце вскипала злость на бесстыдницу, посмевавшую играть с чувствами его младшего брата, и теперь он прекрасно понимал нелюбовь матери к своей родной племяннице. Эта девица принесла его семье столько горя!

– К счастью, она переехала жить к своей подруге, – ровным тоном сказала леди Крэнфорд и вновь сделала глоток чаю, нарочно умолчав о том, что причиной переезда Вивиан была никто иная, как она сама – хозяйка Гринхолла. – Когда ты познакомишься с ней... Если познакомишься с ней... Возможно, она покажется тебе милой и доброй девушкой, но всегда помни о том, что она сделала с твоим братом. Я никогда ей этого не прощу. И ты не должен, Ричард. Запомни это.

– Не думаю, что эта неприятная особа сможет вызвать у меня что-то иное, кроме презрения к ней, – жестоко улыбнувшись, бросил Ричард.

– Вивиан – красивая девушка. Очень красивая, – тихо промолвила графиня, пристально смотря в лицо сына. – И, если она желает очаровать мужчину, он не может устоять перед ее чарами.

– Я женатый человек и отец троих детей, – равнодушным тоном сказал на это Ричард, поднимаясь из-за стола. – Ее чары на меня не действуют. Но прошу простить меня, я намерен зайти к Китти, а затем выполнить обещание, данное моему сыну. Альберт просто без ума от своего пони. Иногда я жалею, что купил его. – Он направился к выходу.

«Энтони говорил то же самое, – с некоторой насмешкой над самоуверенным видом сына подумала леди Крэнфорд. – Но Ричард прав: он зрелый мужчина и

умеет читать человеческие души... И ведь Вивиан теперь замужем. Прекрасно. Лучше и быть не может... Но этот Уингтон молод и красив, а Вивиан теперь в разы богаче меня... Чертовка!» – вдруг пронеслось в ее разуме, а душа наполнилась недовольством: Вивиан не заслуживала такого высокого положения. Но, была уверена тетьа девушки, наивный глупый Джереми не устоял перед ее дьявольской красотой.

Выпив свой чай, леди Крэнфорд направилась к больной внучке,

– Мистер Крэнфорд! Вам пришла почта! – вдруг прервал мысли Энтони приглушенный женский голос за дверью его покоев.

– Войдите! – громко сказал Энтони и, дописав последние строки письма, вольготно откинулся на спинку стула и стал перечитывать написанное.

– Ваша почта, сэр! – Горничная положила два письма на стол и поспешно удалилась.

Энтони мельком взглянул на принесенные ему письма и решил прочесть их ближе к вечеру, так как в этот миг его мысли были заняты неожиданной новостью о браке Вивиан с его лучшим другом.

«Должно быть, они долго скрывали свой роман. Я ведь помню слова этого хитреца о том, что моя кузина хоть и хороша, но слишком бедная для него. Он лукавил, проходимец эдакий! – Энтони задумчиво подул на чернила и, поняв, что не в состоянии сейчас перечитывать свое письмо к кузине, положил бумагу на стол, поднялся на ноги и отошел к окну. – Но тогда почему Вивиан все это время настаивала на том, что желает стать супругой герцога Найтингейла? Она была так напориста! Энтони, глупец, разве это не очевидно? Она лукавила, заставляла тебя верить ей! Думаю, всему виной был старик Уингтон, и влюбленная парочка просто боялась того, что, узнай тот о их романе, он лишит Джереми наследства... На это мой друг пойти не мог и дождался смерти отца... Ловко! И все же... Вивиан обманывала меня. – Он горько усмехнулся. – А я верил ей всем своим сердцем. Но знала ли о романе подружки и Джереми Шарлотта? Они ведь так близки. Нет. Не думаю. Шарлотта слишком наивна, чтобы хранить такие секреты, – размышлял он, любуясь видом на красивый зеленый парк Деври. – Мне нужно заставить Вивиан или Джереми сказать мне правду. Но не в

письме. При личной встрече. Когда вернусь в Лондон – первым, что я сделаю, будет визит к молодоженам»

Приняв решение, молодой Крэнфорд вернулся к столу, с тоской взглянул на свежую почту и, не став читать адрес отправителей, спрятал письма в ящик стола.

«И какой шут решил обвязать свое письмо ниткой? – недовольно подумал он, направляясь в комнату Китти, чтобы навестить ее и поиграть с ней в одну из детских настольных игр. – Должно быть, это Джереми решил подшутить так со мной, словно его внезапной свадьбы с моей кузиной было недостаточно!»

Проведя время с Китти до полудня, Энтони настоял на том, чтобы она попыталась хоть ненадолго уснуть и, по просьбе Виктории, пошел с ней в детскую мастерскую рисовать картины. Виктория, средняя дочь графа Крэнфорда, девочка десяти лет, была похожа на своего отца: она была темноволосая и голубоглазая. У нее был спокойный ровный характер, и она почти никогда не доставляла родителям проблем и не причиняла им боль ни поступками, ни речью. Эта девочка знала, что все наследство перейдет ее старшему брату, ведь мама каждый день напоминала ей об этом, поэтому Виктория усердно трудилась, чтобы стать настоящей леди. Крэнфорды заставляли дочь часами заниматься игрой на фортепиано и арфе, а также изучать испанский, немецкий и французский языки, которыми свободно владели и сами родители. В будущем Виктория должна была сделать достойную партию – так говорила ее мать, а отец добавлял, что ее будущий супруг должен будет обладать титулом не ниже виконта. Виктория из всех своих детских сил старалась соответствовать ожиданиям любимых родителей, но, когда приезжали дядя Энтони и бабушка Беатрис, девочка могла отвлечься от своих каждодневных занятий и вновь стать ребенком. В свою очередь, дядя и бабушка делали все для того, чтобы эта маленькая леди смогла насладиться детством и наполнить свое сердце теплыми воспоминаниями.

– Дядя Энтони, а когда вы, наконец, женитесь? – задумчиво спросила Виктория, старательно водя карандашом по дорогой белоснежной бумаге.

– Какой интересный вопрос, моя маленькая леди, – улыбнулся ей Энтони. Он тоже рисовал, но, поглощенный мыслями о Вивиан и Джереми, не следил за своим остро отточенным карандашом. – Тебе любопытно знать? Увы, я сам не имею ответа на этот вопрос. Но, надеюсь, в скором времени я поведу под венец

одну добрую и обладающую голосом соловья девушку.

– Девушку, которую вы нарисовали? – уточнила девочка и вытянула шею, чтобы получше увидеть рисунок дяди.

Удивленный вопросом племянницы, Энтони присмотрелся к своему рисунку и увидел, что девочка была права: на белой бумаге четко вырисовывалась женская фигура. И это не была фигура хрупкой Вивиан, в которую, был уверен Энтони, он был безумно влюблен. Девушка на рисунке была похожа на мисс Шарлотту Сэлтон: высокая объемная грудь, крепкие руки, красивый, несколько одутловатый овал лица и широкие темные брови. На вытянутой руке девушки сидел маленький, изящный соловей.

И тут Энтони понял: он любит. Но не Вивиан, нет. Еще совсем недавно он был готов пожертвовать ради нее своим будущим, но вдруг осознал, что теперь его сердце принадлежит Шарлотте. Той самой «доброй толстушке», той самой богатой невесте. Той самой девушке, от пения которой его сердце сладко замирало, а душа наполнялась искренним восхищением и преклонением перед ее талантом.

«И эта сирена, этот датский эльф, была влюблена в меня! Но я сам все разрушил, а теперь готов на все, чтобы вновь завоевать ее сердце и, чтобы, когда я попросил ее руки, она ответила мне согласием... И причиной этому не ее богатое приданое. Мне оно не нужно. Мне нужна Шарлотта и ее теплые мягкие ладони, стыдливо лежащие в моих, – пронеслось в разуме молодого человека. Карандаш замер в его руках. – Но как мне завоевать ее сердце? Она влюблена в герцога Найтингейла! И, узнай она мое положение и желание получить богатую невесту, Шарлотта может решить, что мне нужно лишь ее приданое...»

– Дядя Энтони? Почему ты молчишь? – прервал мысли Энтони несколько обиженный голос Виктории.

– Прости, моя дорогая, кажется, я слишком глубоко задумался. – Он потрепал девочку по волосам. – Хочешь, я открою тебе тайну?

– Какую тайну, дядя? – тихо хихикнула девочка.

– Ты права, Виктория: девушка, которую я нарисовал, похитила мое сердце, а я надеюсь похитить ее. Но помни: это большая тайна, а я знаю, что ты умеешь хранить тайны лучше, чем кто-либо другой.

– Значит, вы скоро женитесь? – обрадовалась Виктория и даже подпрыгнула на месте от предвкушения свадьбы дяди на таинственной девушке с его рисунка.

– Я постараюсь сделать все возможное, чтобы так и было, – улыбнулся Энтони. – И, обещаю, ты будешь единственная, кому в церкви будет позволено сидеть на самой первой скамье, рядом с твоей бабушкой Беатрис.

– Да, да! – Виктория весело рассмеялась. – А я обещаю, что надену на вашу свадьбу самое красивое мое платье!

– Но, моя дорогая, помни о том, что тебе нельзя будет затмевать своей красотой мою невесту! – подмигнул Энтони племяннице, и залихватский смех девочки вновь наполнил собой просторную мастерскую.

Позже, выходя из мастерской, Энтони горел желанием вернуться в свои покои, вновь сесть за стол и написать письмо. Письмо Шарлотте. Но, когда он взял перо и обмакнул его в чернила, его разум не смог подсказать ему слова, которыми было бы уместно начать письмо, поэтому на чистую белую бумагу упала лишь черная клякса. Нахмурившись, Энтони скомкал испорченную бумагу, бросил ее на пол, взял чистую и, отойдя к окну, глубоко задумался.

Признаться в любви Вивиан ему было нетрудно: слова просто выпрыгивали из его горла. Энтони помнил, что в тот важный и эмоциональный момент его разум предал его. Но сейчас, когда он желал написать Шарлотте, чтобы признаться ей в своих чувствах и умолять ее не насмеяться над ними, разум молодого человека словно отказывал ему в этой милости.

«А что, если я спугну ее? Нет, нет, я не должен так внезапно нарушить ее покой... Вивиан. Она поможет мне. Она знает свою подругу, и, к тому же, у нас с ней есть договор... Который, однако, нарушила она сама. Теперь Вивиан богата и не обязана соблюдать данное ею слово. И все же, я уверен: она не будет жестока ко мне и поможет мне завоевать Шарлотту. Мне нужно ехать к ней... Но Китти... Моя маленькая бедная Китти! Мой такой скорый отъезд разобьет ее сердечко... Но я должен спросить ее, сможет ли она отпустить меня: здесь

останется моя мать. Но не сегодня. Через пару дней. Нет, через неделю. Будет жестоко с моей стороны уехать так скоро» – решил мистер Крэнфорд и, вернувшись к столу, убрал бумагу на место, вытащил из ящика полученные им сегодня письма и открыл письмо от Вивиан, запечатанное печатью с родовым гербом Сэлтонов. Он быстро прочитал два листа, усыпанных красивым, несколько острым почерком кузины, но не нашел в нем ни намека на ее решение выйти замуж за Джереми Уингтона, что вновь навело его на мысль о том, что Вивиан скрывала от него свой роман с его другом. И на лице Энтони снова проскользнула тень недовольства и разочарования.

Отложив письмо, Энтони взял в руки второе, обвязанное толстой нитью, и разрезал нить ножом для письма. Но, едва его пальцы развернули письмо, а в глаза бросился незнакомый ему почерк, в комнату громко постучали.

– Энтони, ты занят? – услышался за дверью голос леди Крэнфорд.

– Нет, матушка, входите, – неохотно ответил Энтони и положил письмо на стол.

В комнату неслышно вошла его мать. Она с улыбкой прошла к столу и встала рядом с ним, ведь сын не спешил предложить ей стул, стоящий достаточно далеко, чтобы леди Крэнфорд могла переставить его сама. Эта грубость задела ее, но женщина решила не выдавать свои истинные чувства и спрятала обиду за спокойной улыбкой.

– Я только что имела беседу с Агнес, – начала графиня, внимательно смотря в лицо сына. – Она сказала, что ее младшая сестра Александра недавно имела дебют. Надеюсь, ты помнишь эту девушку? Такая же красавица, как и ее сестра. И она молода: ей семнадцать лет...

– Вы пришли, чтобы сосватать ее мне? – скучающим тоном перебил Энтони мать и, поднявшись из-за стола, подошел к окну и встал к ней спиной, чтобы дать ей понять, что разговор об Александре его ничуть не заинтересовал.

– Ее отец дает за ней восемнадцать тысяч приданого... – пользуясь тем, что ее сын не смотрел в ее сторону, леди Крэнфорд украдкой взглянула на распечатанное, но так и не прочитанное Энтони письмо и пробежала по нему взглядом. Лаконичность написанного подсказала ей о том, что это была всего лишь записка. – Эта девушка была бы прекрасной... – Прочитав записку

полностью, она вдруг запнулась, побледнела и с непониманием взглянула на сына. Но тот не спешил оборачиваться к ней. Женщина дрожащими руками схватила со стола записку. – Ах, вот, куда делась моя корреспонденция с мистером Брауном! – фальшивым веселым тоном воскликнула она, прижимая бумагу к своей груди. – Кажется, эта записка попала к тебе по ошибке, мой дорогой, но я забираю ее.

– Как пожелаете, – равнодушным тоном бросил Энтони.

– Что ж... Прошу тебя, подумай об Александре... Но у меня есть неотложное дело... Хорошего тебе дня, мой дорогой. – Леди Крэнфорд развернулась и торопливо покинула комнату сына, унося с собой и желая скрыть от него содержимое записки, которую она судорожно скомкала в своих руках.

Пройдя в свои покои, графиня распрямила бумагу, внимательно перечитала послание, вновь скомкала и бросила ее в горящий камин. Лицо женщины было мертвенно-белым, и по нему легко можно было прочесть самое настоящее отвращение.

Глава 2

На Лондон опускалась тьма, а веселье в роскошном огромном особняке Уингтонов было в самом разгаре, и, кажется, одетые в лучшие одежды леди и джентльмены совершенно не собирались спать в эту ночь. Музыканты играли мелодию за мелодией, натертый паркет стучал под сотней каблуков, а воздух сотрясался от звона хрустальных бокалов и тарелок. В доме, освещенном сотнями свечей, стояла духота, и все окна были раскрыты настежь. Слуги, одетые в красивые ливреи, сновали по коридорам и между танцующими, разнося дорогое золотистое шампанское, алое, как кровь, выдержанное вино, а также виски и бренди для многочисленных гостей, приглашенных на этот бал. Бал, который давала молодая чета Уингтонов в честь заключения своего брака.

Несмотря на внезапную и ошеломляющую новость о том, что Джереми Уингтон, теперь владелец огромного состояния, желанный жених даже для дочерей знатных титулованных семей, сочетался браком со всем известной племянницей графини Крэнфорд, этой красавицей с волосами цвета пламени, богатые леди и

джентльмены не побрезговали тотчас послать молодым поздравления и подарки. Все желали показать свои внимание и почтение молодому Уингтону и его прелестной жене, ведь помнили о том, что еще недавно они относились к бесприданнице Вивиан Коуэлл с пренебрежением и даже презрением, но надеялись стереть из ее памяти этот факт дорогими подарками, льстивыми фразами и фальшивыми улыбками. А когда от Уингтонов пришли изящные, покрытые позолотой приглашения на бал (самый первый, что устраивался в их богатом доме, ведь покойный старик Уингтон, этот скряга, не желал тратить на балы деньги и предпочитал выезжать на балы и вечера, устраиваемые другими), высшее общество не смогло ответить отказом. Причин было несколько: требовалось установить добрые отношения с молодым богачом Уингтоном, осмотреть его огромный, полный роскоши дом, ну, и конечно, поглазеть на эту рыжеволосую выскочку, которой удалось окрутить вокруг пальца этого бедного юнца, который, должно быть, сам не заметил того, как попал под ее чары.

То, что Джереми Уингтон был без ума от своей красавицы-супруги, было так же очевидно, как и то, что она уже отлично вошла в роль спутницы жизни несметного богача и наслаждалась своей ролью: платье, в котором эта девушка проводила этот бал, было великолепным, расшитым узорами и сидевшим на ее красивой фигуре как влитое. Молодая миссис Уингтон выглядела настоящим образцом современной моды: ее волосы были заплетены в красивую косу, которая, в свою очередь, скреплялась на затылке античным гребнем, а ее красивый белый лоб обрамляли огненные закрученные пряди, что придавало девушке вид греческой богини, а изумрудные глаза гордо сияли, словно говоря: «Теперь я одна из вас, и вы не смеете не принять этого!». И она была права: недавняя бесприданница стала слишком богатой, чтобы высшее общество не приняло ее и не стало относиться к ней благосклонно, но, все же, с некоторой опаской.

Встречая гостей, Вивиан получила так много комплиментов, что эта неприкрытая лесть стала ей противна, но супруг тихо напоминал ей о том, что именно таково настоящее лицо высшего слоя населения Лондона – оно полно яда и приторной сладости одновременно. Джереми сжимал ладонь супруги, облаченную в белоснежную, выше локтя перчатку в своей и подбадривал возлюбленную улыбками и тихими насмешливыми шутками над прибывшими гостями.

Еще месяц назад мысли Джереми были свободны от Вивиан и ее красоты, а уж жениться на ней он совершенно не собирался. Да, он был ослеплен огнем ее

волос, ее белой кожей, колдовскими зелеными глазами и светлой, самой прекрасной в мире улыбкой, но разум не позволял ему думать о ней. К тому же, довольный своей холостяцкой жизнью и развлечениями в Логове, молодой человек даже не думал о женитьбе вообще. «К чему мне жениться таким молодым, если скоро я унаследую все состояние моего угрюмого отца?» – считал он и предпочитал отдавать свои молодые годы алкоголю, друзьям и девушкам, которые, знал он, не пытались затянуть его в удавку брака, а именно – проституткам и жительницам лондонских борделей. Однако утро, когда он подобрал мисс Коуэлл на одной из шумных площадей, больную и усталую, а также день, проведенный с ней, такой бледной, измученной, но все равно ангелоподобной, заставили его душу и сердце вспылать страстью и любовью к ней. Он привез Вивиан в дом своего отца, несмотря на то что тот был явно недоволен и даже против этого. Джереми готов был вырвать из груди свое сильное сердце и предложить его бедной девушке взамен ее слабого. Она очаровала его своей болезнью, своей беспомощностью, как хрупкий цветок вдруг очаровывает давным-давно огрубевшего душой и телом рыцаря. Он пал к ее ногам. Он возжелал ее. Когда девушка попросила отвезти ее к Сэлтонам, Джереми был удивлен ее просьбой, так как считал своим долгом уведомить о том, что Вивиан находилась в его доме, Крэнфордс, но она настояла на своем, и Джереми не оставалось ничего другого, кроме как исполнить ее желание...

– Улыбайся, мой дорогой, – шепнула на ухо супругу Вивиан, тем самым вырвав того из плена воспоминаний. – И что же заставило тебя так задуматься?

– О, любовь моя, я всего лишь вспоминаю тот день, когда мое сердце загорелось любовью к тебе, – тоже шепнул он ей, и его сияющие от счастья глаза подтвердили его слова. – Помнишь то туманное холодное утро, когда ты потерялась, а я нашел тебя и отвез в свой дом?

– То утро... Мой дорогой, я не смогу забыть его, даже если захочу, – с некоторой иронией в голосе тихо ответила Вивиан, помня о том, как родная тетя выгнала ее на улицу.

Но о том, что именно Джереми нашел ее на улице, забрал к себе и позаботился о ней, девушке стало известно лишь тогда, когда три недели назад он так неожиданно приехал в дом Сэлтонов и, проведя с ней и Шарлоттой пару часов в саду, вдруг попросил Шарлотту оставить его и ее подружку наедине. Когда мисс Сэлтон с широкой, но непонимающей улыбкой покинула гостиную, Джереми опустился перед Вивиан на одно колено и, не тратя времени на пространный

монолог, признался ей в своей любви и попросил ее стать его супругой.

– В то утро я не знал о том, что моя жизнь так круто изменится! – тихо рассмеялся Джереми. – Жаль, что твоего кузена не было на нашей свадьбе. Он мой лучший друг, знаешь ли.

– Это ты настоял на том, чтобы свадьба состоялась так скоро! – тоже рассмеявшись, напомнила ему Вивиан. – Так скоро, что моя семья не смогла бы успеть приехать на нее из Кэстербриджа!

– Прости, любовь моя, я так желал обладать тобой, что не мог ждать. Но, как ты и просила, я отослал твоей семье пять тысяч фунтов стерлингов, и, полагаю, они должны быть довольны этим, – проведя пальцами по шее своей зардевшейся жены, прошептал Джереми.

– Дорогой, ты забываешься! Мы сейчас не в нашей спальне, а посреди гостей! – нахмурилась Вивиан и осторожно отвела пальцы супруга от своей кожи.

– К черту этих надутых куриц и индюков! Ты же знаешь, что я желаю тебя каждой клеткой своего тела! – напористо прошептал Джереми, коснувшись губами щеки своей прекрасной молодой супруги. – И, любовь моя, когда этот проклятый бал подойдет к концу, я не позволю тебе заснуть прежде, чем подарю тебе свои ласки.

– Джереми, дорогой, обещаю, что так и будет, – терпеливо ответила Вивиан. – Но в данный момент мы являемся хозяевами дома, в котором устроен пышный бал, и нам необходимо развлекать гостей, желаем мы того, или нет.

– Ты просто неотразима, любовь моя. Ни одна женщина не сравнится с тобой ни в красоте, ни в грации. Но ты права, и я оставлю свои желания на потом, – хищно улыбнувшись, согласился Джереми. Его глаза следили за каждой эмоцией на лице супруги, за каждым ее движением. Ему необходимо было знать, что она принадлежит ему одному и думает о нем одном. Он любил ее. Горячо и неистово. Вивиан стала центром его Вселенной.

Вместо ответа Вивиан нежно провела по щеке Джереми и заглянула в его глаза, словно подтверждая, что именно он является хозяином и ее сердца, и ее тела.

«Мое тело принадлежит тебе, но ты никогда не будешь командовать ни моим сердцем, ни моей душой» – сладко улыбнувшись супругу, подумала девушка. Она не испытывала к супругу никаких чувств, кроме благодарности за то, что он снизошел с высоты своей золотой горы к ней и сделал ее своей законной супругой.

Миссис Уингтон. Хозяйка огромного Уингтон-холла, особняка, построенного из светлых камней, больше похожего на один из королевских дворцов, чем на место жительства особ, не обладающих даже самым ничтожным из титулов. Но кому нужен титул, когда все, что ценит высшее общество Лондона – это деньги? А у Уингтонов денег было хоть отбавляй. Именно поэтому в этот вечер те, кто носил титулы, с улыбками зависти к новому положению бывшей бесприданницы и восхищения ее красотой и величием, приехали в этот особняк, чтобы пить дорогие вина и шампанское, есть дорогую еду и десерты, танцевать и сплетничать.

– А хваткая девочка, эта мисс Коуэлл! – стоя в углу бального зала, с бокалом шампанского в руках, шептала на ухо подруге одна из матерей юных дебютанток этого года. – Говорят, ее тетя не дала за ней ни цента приданого! Леди Крэнфорд так поспешно покинула Лондон... Не по этой ли причине?

– Беатрис – достойная женщина. Уверена, не помоги она племяннице с приданым, мистер Уингтон никогда не женился бы на ней. Он не может быть таким безумным! – ответила вторая дама и, пряча лицо за своим кружевным веером, бросила взгляд на хозяев дома, все еще стоящих у дверей и ведущих беседу с леди Мальборо. – Ты только посмотри, какая красавица эта Вивиан! Лили призналась мне в том, что боялась появляться в том же зале, что и она... Но, слава Всевышнему, теперь этот рыжеволосый ангел замужем, и нашим девочкам просто необходимо завести с ней знакомство!

– Да, такой жених пропал... Нужно сейчас же найти наших девочек и приказать им попытаться стать подружками миссис Уингтон... А вот и они! Пойдем, дорогая, не будем мешкать! Уверена, теперь все хотят подружиться со свежее испеченной супругой такого богача!

– Надеюсь, она даст нашим дочерям несколько советов о том, как поймать в свои объятия богатого мужа... У нее это получилось просто отменно!

– Но мистер Уингтон женился на ней так поспешно, а ведь траур по его отцу его не прошел, – заметила одна из сплетниц. – Ходят слухи, что она соблазнила его...

– А я слыхала, что это он соблазнил ее... Но ты взгляни на этих двоих: они глаз друг с друга не сводят! Думаю, их связывает горячая любовь! – возразила друга сплетница.

– Ах, дорогая, любовь приходит и уходит... Посмотрим, не пожалеет ли он об этом браке! Ведь он мог жениться на любой, даже на дочери графа, но почему-то выбрал мисс Коуэлл... Нет, нет, что-то заставило их вступить брак, и я более, чем уверена, что девица заставила его скомпрометировать себя, а он, как человек чести, поспешил исправить свою роковую ошибку. Ах, эта хитрая лиса! Сияет, как золото на солнце!

И две подруги направились к своим дочерям, которые, в свою очередь, сплетничали о том же, что и их матушки.

Как правдивы были слова одной из этих сплетниц! Вивиан, которой завидовали, которую называли «ведьмой» и считали «цепкой девицей», с каждой минутой становилась все популярнее, даже несмотря на то, что большинство гостей не изменило своего мнения о ней. Но такая красивая, грациозная, а главное, богатая, молодая мисс Уингтон не могла не стать новой звездой, так внезапно засиявшей в небе Лондона. Все те, кто чурался мисс Коуэлл, теперь тянулись к блестящей великосветской красавице миссис Уингтон и желали ее дружбы или даже щепотку ее внимания. Если девушки и их маменьки надеялись получить от Вивиан попечительство, то холостые и даже женатые мужчины отныне могли со спокойной душой восхищаться этим огненным лебедем и вздыхать украдкой, когда она проходила мимо или одаривала их своей несравнимой улыбкой. Ведь молодой богатой замужней красавицей восхищаться намного легче, чем бедной, ищущей себе супруга бесприданницей.

Когда, наконец, хозяйева бала смогли отойти от дверей, так как все, кто ответил на приглашения, уже появились, Вивиан направилась к Шарлотте.

Мисс Сэлтон, одетая в одно из своих новых платьев, которое выгодно подчеркивало ее высокую крепкую грудь и преобразило ее полную фигуру в довольно изящную, в этот вечер не подпирала стену, не стояла одиноко у окна, и ее взгляд не был полон грусти. Наоборот: девушка была приглашена на каждый

танец, и ее глаза искрились весельем, ведь другие гости, увидев ее в новом наряде, с новой прической и новыми туфлями, поняли, что мисс Сэлтон, оказывается, довольно мила, а кто-то даже говорил, красива. Датская мода была Шарлотте не к лицу, но лондонская, а также советы дорогой подруги Вивиан превратили девушку в привлекательную невесту, хоть она и молчала о том, что за ней дают тридцать тысяч приданого. Несколько молодых джентльменов крутились вокруг нее и отчаянно шутили, желая услышать ее звонкий смех. Они рассказывали ей забавные истории, делились последними сплетнями и смотрели на девушку с интересом. Что привлекло их в ней? Богатство ее отца? Ее широкая искренняя улыбка? Ее гордая осанка и величественная фигура? Шарлотта задавала себе эти вопросы, но не особо пыталась выяснить правду, так как замуж она не спешила, а, следовательно, все эти джентльмены не имели у нее успеха, хоть она и смеялась с их шуток и танцевала с ними. Шарлотта решила жить так, как ей хочется, и больше не терзалась тем, что ее особа не была интересна окружающим, поэтому такое внимание со стороны довольно красивых статных мужчин не заставило ее покрываться румянцем и отчаянно кокетничать с ними. Она просто танцевала, смеялась и была счастлива.

– Прошу прощения, господа, я похищу мисс Сэлтон на некоторое время, – с улыбкой сказала Вивиан ухажерам подруги и, несмотря на их слабые протесты, увела Шарлотту в отдаленный угол, где девушки могли бы побеседовать в более интимной обстановке. – Дорогая моя, я вижу, тебе нет покоя от внимания этих джентльменов! – хихикнула Вивиан.

– Ах, они, право, уже надоели мне, – всплеснула руками Шарлотта и добавила: – Я так рада за тебя! Конечно, я говорю это уже в тысячный раз, но, кажется, мне никогда это не надоест! Вивиан, ты, возможно, не замечаешь, что все окружающие говорят только о тебе...

– Я знаю, что они говорят! – рассмеялась Вивиан. – Виконтесса Рассел назвала меня «терновником, овившимся вокруг тюльпана», но, естественно, это было сказано за моей спиной. Но ты знаешь меня, моя дорогая: мнение чужих мне людей мне абсолютно неинтересно!

– Эта старуха похожа на мешок с костями... Но ты не единственная, кто удостоился ее внимания: бедный мистер Хиллоби вызвал у нее просто бурю высказываний по поводу его туалетной воды... «Надушился хуже женщины!» ворчала она. Такая неприятная особа! – сморщила носик Шарлотта. – Герцог Найтингейл так и не приехал?

– Не только не приехал, но и не соизволил ответить на приглашение. Говорят, после помолвки с мисс Бэкли он стал очень редко появляться в обществе, – пожалала плечами хозяйка вечера. – К счастью, мне не пришлось долго горевать. Мой Джереми ужасно любит меня. Так сильно, что порой я даже боюсь его любви, – тихо добавила она, и Шарлотта заметила, как по лицу Вивиан пробежала тень.

– Если у тебя лежит что-то на душе, прошу, поделись со мной, – ласково сказала Шарлотта. – Я всегда поддержу тебя. И ведь душе становится легче, когда другая душа примет часть груза на себя.

Вивиан колебалась: стоило ли ей делиться с подругой подробностями своего брака? Брак – дело двоих, и то, что происходит за закрытыми дверями, должно оставаться между супругами, так говорят в обществе. Но девушке отчаянно хотелось, чтобы Шарлотта обняла ее, вытерла с ее лица слезы и сказала, что рано или поздно эти страдания, моральные и физические, закончатся. Но Вивиан не могла признаться подруге в том, что, вступив в брак с человеком, которого видела лишь дважды в своей жизни, она добровольно отдала себя в плен его яростной, сжигающей все на своем пути любви к ней.

Когда Джереми сделал ей предложение... Джереми Уингтон! Тот, кто только что потерял отца и унаследовал его состояние (об этом написал *The Times*)! Богатый как Крез красивый молодой человек, бросивший к ее ногам свою любовь и свои деньги, сперва изумил Вивиан своим предложением, а затем, выслушав ее сомнения в том, что она, бесприданница, не достойна стать его супругой, твердо уверил ее в том, что все, что ему нужно – она сама, и он никогда не упрекнет ее в том, что она не принесла ему ни фунта стерлинга. «Вы, дорогая мисс Коуэлл, самое великое сокровище, самая большая драгоценность для меня. И если вы станете моей женой, обещаю, вы никогда не услышите от меня ни слова о том, что когда-то я взял вас бесприданницей. Я люблю вас. Отчаянно и искренно» – сказал в тот момент Джереми, и его голос был таким твердым, а вид такой решительным, что Вивиан поняла, какой неожиданный чудесный сюрприз преподнесла ей Судьба. И девушка сказала: «да», а уже через полторы недели Джереми надел на ее палец красивое кольцо с большим изумрудом и ввел ее в свой лондонский дом, как свою законную супругу, спутницу жизни и хозяйку всего того, чем владел он сам. «Я схватила удачу за хвост!» – думала Вивиан, ошеломленным взглядом оглядывая огромный красивый особняк, стоящий почти в самом сердце Лондона. Тяжелое кольцо на безымянном пальце и изумруд, такой же зеленый, как глаза новоиспеченной миссис Уингтон, напоминали ей о

том, что это был не сон, что отныне бедная родственница леди Крэнфорд стала супругой богатого красивого молодого джентльмена. Но первая же брачная ночь, когда Джереми ввергнул невинную супругу в омут своей страсти, заставила ее плакать от страха перед ним и его обжигающей любовью...

– Вивиан? Дорогая, с тобой все в порядке? – как сквозь туман услышала Вивиан обеспокоенный голос Шарлотты.

Моргнув, Вивиан вернулась мыслями из супружеской спальни в бальный зал, и, оглядевшись по сторонам, с улыбкой ответила:

– Я в полном порядке! Просто... Просто я попыталась вспомнить о том, послали ли мы приглашение семейству де Круа, – нашлась она.

«Нет, Шарлотта ни о чем не узнает. Пусть думает, что я счастлива» – решила девушка. Она знала, что ее супруг следит за ней. Следит, как инквизитор за своей жертвой.

– Ах, да, кажется, за весь вечер я не увидела ни одного де Круа! – хихикнула Шарлотта. – Но хотела бы я видеть лицо мадемуазель де Круа! Только подумай: герцог Найтингейл женится на мисс Бэкли, а ты тоже не стала мешкать и очень удачно вышла замуж! Бедная Люси! Думаю, с репутацией ее папеньки, она на всю жизнь останется старой девой!

– С этим трудно не согласится! Бог с ней, с этой француженкой... Но ноги ее в моем доме не будет! – подмигнула подруге Вивиан. – Но, кажется, скоро начнется новый танец, а я обещала его своему супругу.

– Он так любит тебя, – улыбнулась Шарлотта. – Он глаз с тебя не спускает.

– Что ж, это прекрасно, быть любимой своим супругом, не так ли? – с иронией в голосе, но с холодом, вдруг разлившимся в ее груди, сказала на это Вивиан.

Когда музыка смолкла, гости, довольные и усталые, разъехались по домам, свет свечей, еще недавно ярко освещающий весь дом, погас, и прислуга принялась за грандиозную уборку после этого веселого и шумного бала.

Шагая к своей супружеской спальне, рука в руке, молодожены Уингтоны молчали. Свет трех свечей, надежно сидящих в серебряном подсвечнике, который нес в руке Джереми, танцевал и заставлял тени идущих дрожать. Но дрожали не только тени – дрожала душа Вивиан.

– Дорогой, этот бал так утомил меня... – робко улыбнувшись, тихо сказала Вивиан. – Прошу, позволь мне провести эту ночь одной, в одной из комнат для гостей.

– Нет, – бросил Джереми и, повернув лицо к лицу супруги, криво улыбнулся. – Ты боишься меня, любовь моя?

– Нисколько, – спокойным тоном ответила ему Вивиан, но его красивая хищная улыбка заставила ее сглотнуть. – Я просто очень устала и желала бы поспать в эту ночь одна. И ты ведь слишком много выпил сегодня...

– Нет, – твердо повторил Джереми. – Ты моя жена, и я желаю тебя.

Они остановились перед высокими дверями, ведущими в их спальню.

Джереми открыл дверь и вперил взгляд в лицо Вивиан. В его глазах горел огонь вожделения и безудержной страсти.

– Запомни, любовь моя: ты будешь спать только со мной. Только в моих объятиях. Всегда, – тихо сказал он, наклонившись к ее уху. Затем, отстранившись, он крепко сжал локоть супруги и подтолкнул ее к открытой двери.

Вивиан заставила себя улыбнуться и, молясь о том, чтобы эта ночь поскорее превратилась в утро, зашла в спальню.

Глава 3

– Вивиан?

Девушка вздрогнула и, словно воришка, пойманный с поличным, поспешно обернулась на голос своего супруга. Ее лицо, в свете раннего утра, было бледным и испуганным. Через секунду Вивиан улыбнулась и, накинув теплый длинный халат, подошла к кровати, но не села, а остановилась на некотором расстоянии, чтобы Джереми не смог заставить ее вернуться в постель.

- Спи, любовь моя. На дворе еще только раннее утро, - ласково сказала она.

- Тогда почему ты не в постели? - сонно нахмурился Джереми.

- Мне что-то не спится... Я пойду в библиотеку и прочитаю какую-нибудь книгу, - Вивиан склонила голову на бок и, послав супругу воздушный поцелуй, добавила: - Если Джейн появится раньше, чем ты встанешь, отошли ее ко мне. Хорошо, мой дорогой?

- С каких пор ты стала ранней пташкой? - сузил глаза Джереми, но затем улыбнулся и, вновь откинувшись на подушки, закрыл глаза и добавил: - Вели растопить в библиотеке камин. Не хочу, чтобы ты мерзла, любовь моя.

- Я сама это сделаю. Но ты спи, мой родной, спи. - Вивиан бесшумно подошла к кровати вплотную, наклонилась к красивому сонному лицу супруга и поцеловала его в щеку, отчего тот сладко улыбнулся.

«Как может в таком красивом теле и за таким милым лицом прятаться такая тьма! Мистер Дэрбинелл, мой бывший жених, не сравнится с тобой в красоте и юности. Но, Боже, узнай я ранее о том, как дорого мне придется заплатить за звание твоей жены, я предпочла бы мужа подобного тому потному борову, чем тебя, - с горькой улыбкой подумала Вивиан, смотря на подтянутое молодое тело своего супруга. - Но, благодаря тебе, я стала богатой и популярной, мой дорогой... Нет, я сделала правильный выбор. Ведь когда-то ты охладеешь ко мне, и я буду счастливо закрывать глаза на твои измены и романы с другими женщинами. Мне нужно лишь немного потерпеть. Твоя страсть ко мне не может быть вечной»

Стараясь не разбудить супруга, Вивиан тихо вышла из хозяйской спальни и осторожно закрыла за собой дверь. Босая, с распущенными, спутанными после исполнения супружеского долга ночи, девушка медленно зашагала по длинному коридору, не обращая внимания на холодный, не покрытый ковром пол. Унылый

свет утра, такого раннего, что даже прислуга все еще крепко спала в своих постелях, освещал коридор и делал его холодным и неприветливым.

Уингтон-холл, этот большой, красивый особняк, в котором она была хозяйкой уже целый месяц, был Вивиан чужой. Она все еще не могла поверить в то, что это место стало ее домом. Ее собственным домом в Лондоне. Потому что она помнила: все это принадлежит ее супругу, и, пожелай он развестись с ней, она вновь упадет в ужас бедности и презрения всеми. Ведь именно так работает отлично слаженный механизм общества богачей и аристократов: стоит тебе упасть по социальной лестнице, как твои друзья перестают замечать тебя, а затем и вовсе становятся бывшими. Но Вивиан нуждалась не во внимании и любви к ней общества: ей необходимо было оставаться супругой Джереми, чего бы ей это ни стоило. Моральные муки и потерю владения собственным телом можно пережить, считала она, а смерть любимого ей человека – нет. Все, что делала девушка, она делала во благо Ричарда, которого любила даже больше себя саму, и, если для того, чтобы иметь возможность помочь ему, ей приходилось плакать от омерзения и бессилия – верными спутниками каждой проведенной с Джереми ночи, Вивиан готова была терпеть это до конца своих дней. Без ропота. Без жалоб.

Все, что требовалось миссис Уингтон для того, чтобы восстановить моральные и душевные силы, были пара свободных часов, проведенных наедине с собой, за написанием писем или чтением книги. В первые недели брака ей без труда удавалось вырвать для себя эти желанные часы свободы, ведь тогда Джереми был весьма деликатен в своей любви к ней. Однако в последнее время супруг стал невероятно ревнивым и требовал ее постоянного присутствия рядом с ним, и Вивиан приходилось изловчаться, выдумывать неотложные дела, только лишь, чтобы спрятаться от Джереми и уйти в себя.

«Буду вставать так каждое утро. Ложиться поздно ночью мне все равно не удастся: Джереми не выпускает меня из спальни и своих объятий» – устало подумала Вивиан. Ее глаза смыкались от недостатка сна, а тело было охвачено такой слабостью, что она едва переступала с ноги на ноги, но возвращаться в спальню, в плен своего супруга, она не желала. Пусть лучше она уснет в кресле, в библиотеке... Да хоть на полу! Но не в одной кровати с Джереми. Не после того, что он делал с ней все эти слишком длинные ночи.

Войдя в библиотеку, вмещающую в себя тысячи книг, хозяйка Уингтон-холла надежно заперла двери на замок и растопила камин. Когда первые теплые

языки пламени охватили ароматные березовые дрова, девушка забралась с ногами в одно из мягких больших кресел и, вперив невидящий взгляд на книжную полку, сидела так, не шелохнувшись, до тех пор, пока стук в дверь и голос Джейн не вывели ее из состояния невесомости.

– Мисс Вивиан! Ой, то есть, миссис Уингтон! – бодрым тоном позвала верная Джейн, как и прежде, занимавшая должность личной горничной своей теперь уже замужней подруги. – Ваш супруг приказал мне позвать вас к завтраку!

«Что? Уже завтрак? Но который час? – удивилась Вивиан и взглянула на большие настенные часы, которые показывали восемь тридцать три утра. – Время пролетело так быстро... Но как хорошо, что, в отличие от моей тети Беатрис, Джереми любит понежиться в кровати».

Неохотно покинув свое убежище, Вивиан подошла к двери и впустила в библиотеку Джейн. Та, одетая в новую, с иголки, форму, со счастливой улыбкой протянула Вивиан два письма.

– Ваша почта, миссис Уингтон! – Горничная протянула подруге письма, но, увидев усталое лицо Вивиан и круги под ее глазами, нахмурилась. – У вас опять бессонница? Вы выглядите так, будто не спали всю ночь!

«Именно так и было, Джейн... Ночью я себе не принадлежу... Впрочем, как и днем» – усмехнулась про себя Вивиан, но заставила себя мягко улыбнуться и ответить:

– Умоляю, наедине называй меня как раньше, мисс Вивиан. Да, вновь бессонница... Я поднялась очень рано. Мне не спалось, и я решила почитать какой-нибудь хороший роман, – солгала она, машинально забирая у Джейн письма, и, взглянув на адрес отправителя, иронично усмехнулась. – Письмо от Энтони... Интересно, как он отреагировал, когда узнал, что я вышла замуж за его лучшего друга?

– Если узнал, мисс Вивиан, – вставила Джейн. – Он ведь так далеко! На самом севере!

– Конечно, он узнал, глупенькая! – тихо рассмеялась Вивиан, распечатывая письмо от кузена. – Обо всех рождениях, смертях и заключениях брака пишут

многие газеты, а Крэнфорды всегда получают не менее трех разных свежих газет каждое утро. Думаю, Энтони узнал о моей свадьбе с опозданием, но, моя дорогая, он, а также моя милая добрая тетушка Беатрис, должно быть, весьма рады этой новости. Особенно моя тетя... Она так старалась выдать меня за старика Дэрбинелаа! Надеюсь, сейчас она кусает локти, зная о том, что ее бедная племянница стала супругой человека, намного более богатого, чем она сама. – Хмыкнув себе под нос, девушка пробежала взглядом по строкам, написанным Энтони, и широко улыбнулась: – Ну, вот! Я была права! Ты только послушай, что пишет мой кузен! «Моя дорогая Вивиан, эта новость, признаться, изумила меня до глубины души, однако, это изумление было чувством приятным, ведь теперь, зная о том, что ты добилась своей цели, я спокоен за тебя и твоего Ричарда...»

– Кто такой Ричард, мисс Вивиан? – осведомилась Джейн. Она подошла к камину, взяла кочергу и помешала все еще тлеющие угли. – Добавить ли мне дров?

– Кто такой Ричард? – задумчиво повторила Вивиан и прикусила губу, раздумывая о том, рассказать ли о Ричарде Джейн.

– Да, кто он такой? – вновь спросила горничная, оборачиваясь к подруге. Ей было очень любопытно узнать об этом таинственном человеке.

– Надеюсь, скоро я сама вас познакомлю, – вместо ответа, сказала Вивиан. – Но слушай дальше: «Я знаю, что Джереми не владеет и, возможно, никогда не завладеет твоим сердцем, но я знаю его душу и уверяю: он будет тебе хорошим супругом, надежным мужчиной и добрым отцом ваших будущих детей...» – Она запнулась и поморщилась, как от физической боли.

«Ах, мой наивный кузен! Не думаю, что ты так уж хорошо знаком с тем, кого называешь лучшим другом! Ты уверен, что знаешь его душу, и что она прекрасна, но как ты ошибаешься! И как ошиблась я сама, когда решила, что у меня получится держать его под своим каблуком! – пронеслось в разуме девушки, и желание читать это полное радости письмо у нее пропало. – Нет, нет, не могу читать это! И Джереми тоже не должен видеть эти строки! Узнай он о Ричарде таким способом, он убьет меня... Убьет своей ревностью»

– Добавь-ка в камин дров, Джейн, – тихо сказала Вивиан, скомкав письмо.

– Как скажете, мисс Вивиан, – отозвалась та, однако удивилась тому, как внезапно поменялось настроение ее подруги. Но она не стала задавать лишних вопросов, а просто ловко разожгла в камине огонь.

Когда языки пламени вновь заплясали свой веселый танец, Вивиан подошла к камину и бросила скомканный бумажный шар в его горячее сердце.

– Мисс Вивиан? Что-то случилось? – тихо спросила обеспокоенная Джейн. – Ваш кузен написал вам что-то обидное?

– Нет, Джейн... Он рад за меня. Но мой муж не должен узнать о Ричарде. Он узнает. Потом. Не сегодня. – Вивиан тяжело вздохнула и спрятала лицо в ладонях. – Но нам нужно идти... Джереми ждет меня к завтраку...

– Сначала нам нужно привести вас в порядок! – твердо заявила Джейн. – Обещаю, я одену и причешу вас за полчаса. Вы ведь знаете, что я могу творить чудеса!

– Я знаю, милая, знаю. – Вивиан отняла ладони от лица и, взглянув на свою подругу-горничную, широко улыбнулась.

Как хорошо, что Джейн снова была рядом с ней! К счастью, Джереми не отказал в супруге в просьбе взять в дом эту девушку и даже платить ей в два раза больше того, что платила ей леди Крэнфорд.

– Как поживает твоя матушка? Надеюсь, ей лучше? – спросила Вивиан, когда девушки медленно пошли по коридору, теперь ярко освещенному солнечными лучами.

– Намного лучше! Спасибо за это вам! – сияя, как начищенная монета, ответила Джейн. – А что насчет ваших драгоценностей? Вы уже выкупили их?

– Боже мой, Джейн, как хорошо, что ты напомнила мне об этом! Я абсолютно забыла о них! – прижав ладонь к сердцу, воскликнула Вивиан. – Поеду за ними сегодня же!

Через полчаса, как и обещала верная Джейн, Вивиан была одета в одно из своих красивых утренних платьев, а ее волосы были уложены в высокую прическу. От той девушки, которая босая, с распущенными волосами и одетая в халат поверх ночного платья, пряталась от собственного супруга в темноте библиотеки, не осталось и следа. Миссис Уингтон, занявшая свое место за столом в светлой большой столовой, выглядела богиней, спустившейся с высоты Олимпа в мир смертных. И мистер Уингтон, ее супруг, одетый в элегантный утренний костюм, не спускал с нее глаз, а она улыбалась ему и ласковым тоном поддерживала их незатейливую интимную беседу.

- Нам вновь прислали приглашения. Если быть точным - три, - поведал хозяин дома. - Но у меня нет никакого желания посещать очередной бал. Я порядком подустал от них.

- Прекрасно, мой дорогой. Останемся дома и проведем время с пользой, - просто сказала на это его супруга, которая тоже успела пресытиться балами и званными вечерами.

- Что за почту ты получила, любовь моя? - вдруг спросил Джереми, целуя взглядом собственника белую изящную шею своей жены.

- Письмо от Энтони. Он поздравил нас со вступлением в брак и пожелал всех благ, - коротко ответила Вивиан, аккуратно намазывая крохотную порцию сливочного масла на половинку маленькой булочки.

- Он написал, когда вернется в Лондон?

- Не могу вспомнить, мой дорогой. Его племянница все еще прикована к постели.

- А второе письмо?

«Он что, проверяет мою почту?» - неприятно удивилась Вивиан, но не посмела сказать это вслух.

- Из Кэстербриджа, - ровным тоном ответила она. - Но я еще не открывала его.

- Я хочу прочесть его, - с улыбкой заявил Джереми.

– Прости, мой дорогой, но свою частную корреспонденцию я тебе читать не позволю, – не вытерпев такого нахальства со стороны мужа, спокойно бросила миссис Уингтон.

– Чего ты боишься? – сузил глаза Джереми.

– Я ничего не боюсь, мой дорогой. Это просто письмо от моего отца. Думаю, он опять просит у тебя денег.

– Если это письмо от твоего отца, почему ты не желаешь показать его мне? – вновь с улыбкой, но с холодным блеском в глазах настаивал мистер Уингтон.

– Потому что это письмо предназначено мне, а не тебе, любовь моя. – К счастью, Вивиан прекрасно владела собой и не позволяла эмоциям взять верх. – Но, милый, ты меня в чем-то подозреваешь?

– Нисколько, мой ангел. Что ж, передай своему отцу, что в этот раз он получит не более тысячи фунтов. На что он уже потратил то, что ты отправила ему совсем недавно?

– Он пытается восстановить свою типографию, и ему нужно закупить новое оборудование. – Вивиан невозмутимо продолжала мазать маслом свою булочку. – Но, мой дорогой, не нужно отсылать ему денег. Пока не нужно. Думаю, он сам понимает, что просит слишком многого.

– Когда же он собирается навестить тебя и познакомиться с твоим супругом? – Джереми вытер губы салфеткой и бросил ее на пустую тарелку.

– Право, не знаю, он так занят своей типографией, – улыбнулась в ответ Вивиан. Она поднесла булочку ко рту, но вдруг остановилась и опустила ее на тарелку. – После завтрака я хочу поехать к Шарлотте. Мы собираемся развлечь себя пением.

– Не сегодня.

«Упрямец. Мне нужно выкупить мои драгоценности!» – прокричала внутри себя девушка, но на ее лице не дрогнул ни один мускул.

- Не сегодня, мой дорогой?

- Мы едем на охоту.

Вивиан с непониманием взглянула в лицо своего супруга.

Тот ответил ей сияющей улыбкой.

- Джереми, ты знаешь, как я отношусь к охоте, - тихо сказала Вивиан. Между ее бровей легла глубокая складка.

- Стрелять буду я, а ты всего лишь наслаждаться бегом коня.

- Но я не желаю смотреть, как ты убиваешь невинных зверей, - мрачно изрекла девушка.

- Никто не заставляет тебя смотреть на это. Ты всегда можешь закрыть глаза или отвернуть лицо, - не терпящим возражения тоном бросил Джереми.

- Прошу тебя, не настаивай. К тому же я уже дала Шарлотте обещание...

- Очень жаль, что тебе придется нарушить его.

Лицо Джереми было таким невозмутимым, а взгляд пристальным и обжигающим, что Вивиан поняла: сегодня выкупить свои драгоценности ей не удастся. Вместо этого она вынуждена будет исполнять желание своего жестокосердного супруга.

Желание?

Нет, это был приказ.

- Как скажешь, мой дорогой. Я напишу ей записку.

- Умница.

Девушка фальшиво улыбнулась, но ее душа наполнилась могильным холодом.

Если Джереми был прекрасным наездником, которого быстрый, как ветер, тонконогий арабский конь слушался, словно верная собака, то его супругу ловкой всадницей назвать было трудно.

В детстве, когда ее отец все еще обладал хоть какими-то средствами, Вивиан получала уроки верховой езды и научилась уверенно держаться в седле. Но с тех пор, как ей исполнилось восемь лет, девушка ни разу не садилась на лошадиную спину и теперь была полна робости и легкого испуга перед быстрым бегом своей довольно смирной, но резвой лошади. Несмотря на то, что на Вивиан было надето удобное платье для верховых прогулок, а на ногах, как влитые, сидели высокие кожаные сапоги с крупным каблуком, девушка чувствовала себя так, словно никогда не получала ни единого урока верховой езды. Она судорожно держала в руках поводья и быстро дышала, как будто это она несла на себе лошадь, а не наоборот.

Большой лес, находящийся вдали от Лондона, был полон дичи, и именно сюда спешили лондонские охотники. Солнечный свет тонул в густых зеленых кронах высоких могучих деревьев, поэтому здесь было достаточно темно.

Полумрак пугал Вивиан, заставлял ее чувствовать себя букашкой, потерянной в огромном, полном ярости и смерти лесу. Ведь именно так она воспринимала охоту, которую ее собственный кузен, а также ее супруг воспринимали исключительно как удовольствие. Вивиан всей душой не желала быть здесь, скакать на лошади по едва различимой, заросшей кустарником тропе, и ждать, когда ее довольный занятием супруг найдет свою жертву.

Два натренированных охотничьих пса – молодые, полные сил и энергии грейхаунды, со скоростью ветра бежали между деревьев перед лошадьми хозяев, преследуя довольно крупную рыжую лису. Бедный загнанный зверь начал терять силы, и вскоре в воздухе прогремел громкий выстрел, заставивший Вивиан тихо взвизгнуть от неожиданности.

– Какая добыча! Марк! Аврелий! Вы хорошо потрудились, друзья мои! – радостно рассмеялся Джереми и пустил своего коня легкой трусцой.

Вивиан остановила свою лошадь и с сожалением взглянула туда, куда направил своего коня ее супруг: недалеко от них, ярким пятном на темной сухой земле лежала лиса. Из бока убитого зверя лилась кровь. Джереми убил бедное создание одним выстрелом, что, само по себе, было актом милосердия: жертва умерла безболезненно. Но этот факт ни в коем случае не утешил ненавидящую охоту девушку.

На глаза Вивиан навернулись слезы, но она поспешно смахнула их своей кожаной перчаткой: ей не хотелось, чтобы Джереми посчитал ее сентиментальной. Девушка не имела никакого желания посмотреть на убитую лису поближе, и, на расстоянии, молча, наблюдала за тем, как ее супруг радовался своему кровавому успеху.

Джереми не спешил спешиваться, чтобы положить добычу в толстый холщовый мешок, привязанный к седлу его коня: он перевел взгляд с убитой лисы на бледное лицо супруги и едва заметно усмехнулся. Робость Вивиан и ее открытое отвращение к одному из его любимых занятий задела его гордость. Молодой человек считал, что Вивиан должна была поддерживать его интересы, как это делала его кроткая заботливая мать по отношению к своему супругу. Развернув коня, Джереми направил его туда, где смиренно стояла лошадь его возлюбленной жены.

– Я никогда не задавал тебе этот вопрос, моя дорогая, – поравнявшись с Вивиан, с улыбкой спросил Джереми. – Ты говоришь мне: «любовь моя», но любишь ли ты меня?

– Какой вопрос! – наигранно весело ответила его супруга, но затем ее лицо посерьезнело: – Признаюсь, когда ты сделал мне предложение, у меня не было к тебе нежных чувств, но я знала, что полюблю тебя. Так оно и случилось, любовь моя. Я люблю тебя.

– Докажи мне это. – Улыбка исчезла с лица молодого Уингтона. – Принеси мне мою добычу.

По спине Вивиан пробежали холодные мурашки. Она непонимающе смотрела в полное спокойствия и решительности лицо супруга и не могла найти слов для ответа.

– Но для этого у тебя есть собаки, мой дорогой, – наконец, смогла выдавить из своего горла девушка.

– Я желаю, чтобы это сделала ты. Ну же, мой ангел. Это не так страшно, как ты думаешь.

Вивиан сглотнула, но не шелохнулась.

– Джереми, ты знаешь, как я отношусь к охоте... – начала было она.

– Пока ты не сделаешь то, о чем я попросил, домой мы не вернемся, – перебил супругу Джереми.

Тон мистера Уингтона был вкрадчивым, но твердым. Он знал, что говорил и был готов выполнить свою угрозу. Вивиан чувствовала это всем своим естеством.

Ни слова не говоря, девушка послушно спешила и медленно направилась к мертвой лисе. Ее губы дрожали от обиды, а глаза вновь повлажнели от слез жалости к этому рыжему пятну, еще недавно бегающему по лесу и наслаждающемуся теплыми летними днями.

Подходя к добыче супруга, который с довольной улыбкой пристально следил за ее действиями, Вивиан вдруг осознала: она боится не только ночей с Джереми, но и каждую минуту, проведенную с ним. Это был почти животный страх. Ее тело было словно натянутая стрела, которая грозила порваться в любой момент. Но самое ужасное, что было в звании миссис Уингтон – это то, что Вивиан поняла, что вышла замуж за тирана. За мужчину, который в своей всепожирающей любви и страсти к ней ревнует ее даже к лакеям и не отпускает одну даже к Шарлотте.

Подойдя к мертвой лисе, Вивиан с жалостью и тоской в сердце окинула взглядом маленькое пушистое тело, забрызганное кровью. Девушке хотелось упасть на колени и зарыдать. Рыдать во весь голос. От ужаса. От жалости. От ненависти к себе и тому, кому она продала себя.

– Поторопись, любовь моя. Дома нас ждет горячий ужин, – услышала она мягкий голос своего супруга.

– Да, дорогой... Конечно, – найдя в себе силы ответить, сказала Вивиан.

Она присела рядом с убитым зверем и машинально погладила его по голове, желая успокоить, как мать свое объятое ужасом и агонией смерти дитя. Затем она взглянула на свою светлую перчатку, покрытую кровью, и с криком ужаса отпрянула назад. Упав на спину, Вивиан поспешила встать на колени, и ее тут же стошнило.

Глава 4

– Фрёкен Сэлтон! Вам пришла почта! – В комнату вошла горничная Сара. – Посыльный Уингтонов только что привез! Он ждет ответа, – добавила она, подходя к хозяйской дочке и протягивая ей конверт.

– Спасибо, Сара. Он ничего больше не передал? – с надеждой спросила Шарлотта, быстро разворачивая белую мягкую бумагу.

– Ничего, фрёкен... Только это, – ответила Сара. – Я могу идти, или что еще прикажете?

– Нет, ты свободна, – пробормотала Шарлотта, задумчиво читая то, что написала ей ее лучшая подруга, которая, однако, не появлялась в ее доме уже два месяца.

Девушки вели активную переписку, получая и отправляя друг другу письма и записки несколько раз в день, но Шарлотте этого было мало: она скучала по тем немногим дням, когда Вивиан жила в Лиллехусе. В те дни подруги были не разлей вода: та, что вставала раньше, будила другую, и девушки проводили вместе весь день, с утра до вечера, и расставались лишь, когда наступала пора ложиться спать. Но с тех пор, как Вивиан стала замужней женщиной, все круто изменилось. Так круто, что Шарлотта отчаянно желала увидеть ее и готова была приезжать к ней каждый день, но на каждое: «Могу ли я приехать к тебе, моя дорогая? Мы так давно не виделись!», девушка получала от Вивиан: «Увы! На этой неделе мы ужасно заняты» или «Я неважно себя чувствую. Надеюсь, скоро увидеть тебя, моя дорогая подруга!».

Письма Вивиан были теплыми и полными дружеского участия, но из души Шарлотты не уходила горечь. Горечь разлуки и чувства, словно теперь между ней и подругой была тонкая, но крепкая стена.

«Возможно, это моя вина! Не нужно было рассказывать ей о том, какие слухи ходят о ее супруге! Нужно было молчать, а не ранить ее нежную душу! Да и ведь Джереми был таким до того, как женился на ней! Брак изменил его в лучшую сторону... Я надеюсь. Ведь как светятся его глаза, когда он смотрит на Вивиан! Это настоящая любовь! Думаю, я обидела ее, передав эти грязные слухи... Что ж, мне остается только пожинать плоды собственной глупости!» – с отчаянием подумала Шарлотта, вновь получив от подруги: «Увы, кажется, я подхватила простуду и не выхожу из своей спальни».

Осторожно сложив записку, девушка поднялась в свою спальню и положила ее в ящик своего письменного стола, в котором она хранила всю корреспонденцию от подруги.

«Но мне нужно ответить ей... Ума не приложу, что я могу написать, если с того момента, как она вышла из церкви новой миссис Уингтон, моя жизнь превратилась в сплошную скуку... А я ведь думала, что отныне буду проводить у них целые дни! И родители до сих пор не вернулись... Я осталась совсем одна в этом огромном не приветливом городе!» – Шарлотта села за стол, положила перед собой чистый лист бумаги, обмакнула перо в чернильницу и написала: «Надеюсь, что скоро тебе полегчает. Признаться, я сама немного кашляю, но Сара готовит для меня мой любимый горячий чай с лимоном и сахаром. Моя дорогая, я скучаю по тебе. Молю Бога, чтобы он дал нам возможность увидеться. И, я уже много раз говорила это, но повторю и сейчас: если у тебя на душе есть, чем поделиться, прошу, поделись со мной, потому что мне вдруг стало казаться, что ты отдаляешься от меня. С каждым твоим письмом, с каждой твоей запиской. Пожалуйста, скажи, что я ошибаюсь. Твоя Шарлотта»

Девушка красиво сложила лист бумаги в небольшую записку, закрыла ее печатью с гербом Сэлтонов и, кликнув Сару, велела передать записку посыльному Уингтонов. Затем, порывшись в ящиках стола, Шарлотта нашла короткую записку, которую оставил ей, уезжая, Энтони Крэнфорд, и, решительно взяв чистый лист бумаги, принялась писать ему письмо, надеясь найти у него ответы на мучившие ее вопросы насчет теперешнего положения Вивиан и ее здоровья. Слишком часто стала болеть ее подруга, и это обстоятельство вызывало у Шарлотты беспокойство.

Исписав целых два листа, но даже не перечитав написанное, девушка положила бумагу в конверт, написала адрес поместья Деври, куда уехал Энтони, и, отыскав экономку фру Андерсон, отдала ей письмо и распорядилась отправить его. Лишь, когда фру Андерсон взяла письмо и скрылась с ее глаз, девушка почувствовала некоторое душевное облегчение.

«Энтони знает, что происходит с Вивиан. Я уверена в этом» – подумала Шарлотта, медленно поднимаясь по лестнице в свои покои. Ее еще недавно солнечное настроение сменилось хмурыми серыми тучами, а желание прогуляться по саду мгновенно улетучилось.

– Джереми, любовь моя. Я прошу... Я умоляю тебя: отпусти меня сегодня к Шарлотте. Я так скучаю по ней! Если желаешь, мы можем поехать вместе, выпить с ней чаю, а потом поехать в парк, – с робкой улыбкой попросила своего супруга миссис Уингтон, все еще держа в руках записку от подруги, полную отчаяния и обиды.

Вивиан желала выбежать из дома, остановить кэб и поехать к Шарлотте. Или даже просто пойти пешком, хоть до ее дома было не меньше получаса ходьбы под ярким солнцем такого жаркого в этом году октября. Ее мучила совесть за то, что она заставляла бедную подругу страдать, ведь прекрасно знала, как привязана была к ней Шарлотта. Однако Вивиан нарочно придумывала причины, по которым подруга не могла навестить ее, потому что не желала, чтобы она видела ее той бледной испуганной женщиной, в которую она превратилась из цветущей и уверенной в себе девушки.

Каждый день, проведенный в Уингтон-холле, и каждая ночь, проведенная с супругом, приближали ее к концу жизни – именно так думала девушка, засыпая в молчаливых рыданиях и молясь, чтобы она успела воплотить в жизнь то, для чего пожертвовала собой яростной страсти Джереми.

– Нет, моя дорогая. Ты больна. Посмотри на себя в зеркало: ты выглядишь, как призрак. Тебе нужно прилечь, – с заботой в голосе ответил Джереми супруге, скользя взглядом по ее шее, укутанной в легкий зеленый шелковый платок. – Возможно, твоя бледность и усталость – признаки того, что ты носишь под сердцем моего наследника? – с улыбкой добавил он.

– Нет, любовь моя, этого не может быть: всего две недели назад у меня прошла кровь, – тихо ответила Вивиан и приложила ладонь ко лбу: – Как жарко! Как мне надоела эта духота!

– Мы поженились три месяца назад, а ты все никак не забеременеешь. – Джереми поднялся из-за своего рабочего стола и подошел к супруге, которая тотчас напряглась от его близости. – Я хочу, чтобы ты родила мне ребенка, Вивиан. – Он приподнял пальцами подбородок девушки и заглянул в ее изумрудные усталые глаза. – Я хочу, чтобы ты родила мне не меньше троих детей.

– Троих, дорогой? – удивилась она. – Мне хватило бы и одного.

– Нет. У нас будет много детей. Я буду хорошим отцом. Буду проводить с ними много времени, учить ездить верхом, фехтованию и охоте, – улыбнулся Джереми и поцеловал бледные губы Вивиан. – И у них не будет гувернантки. Ты сама будешь ухаживать за ними. Им нужна будет мать, а не посторонняя женщина.

– Но, дорогой, когда я понесу нашего малыша... – «Ты должен перестать делать со мной то, что ты делаешь!» хотела сказать Вивиан, но вовремя спохватилась и вместо этого серьезным тоном сказала: – Ты должен будешь переехать в другую спальню, потому что то, что мы делаем по ночам, может повредить нашему будущему малютке, или я даже могу потерять его. Пусть у нас будет много детей. Или сколько даст нам Господь, – улыбнулась она, подумав про себя, что более двух детей она ему дарить не собирается.

– Конечно, так и будет. Я готов ждать, любовь моя. – Джереми вновь поцеловал супругу, а затем, слегка отодвинув шелковый шарф на ее шее, криво усмехнулся. – Когда ты забеременеешь, я буду сдувать с тебя пылинки, а свои плотские желания удовлетворять с другой женщиной. И ты не сможешь возразить против этого.

– О, мой дорогой, я не стану возражать, ведь так будет лучше для малыша, – спокойно ответила на это Вивиан. – Будем молить Бога, чтобы он поскорей дал нам ребенка. Но сейчас я последую твоему совету и прилягу. – Она потрепала мужа по щеке и, не скрывая широкую улыбку радости, вышла в коридор.

Зайдя в спальню, Вивиан со злостью сорвала со своей шеи проклятый шарф и бросила его на кровать. Она носила его уже третий день, и в эту жару это было пыткой. Но девушка не могла ходить с обнаженной шеей, так как никто не должен был видеть, до чего порой доводила Джереми его страсть и тайные темные желания.

«Мисс Вивиан... Как мне жаль вас! Ах, если бы только я могла что-нибудь для вас сделать! – думала Джейн всякий раз, когда видела красные от слез глаза Вивиан. – Но сказать это вслух она не решалась и лишь, молча, наблюдала, в какого испуганного призрака превращалась дорогая ее сердцу подруга.

– Ну же, Альберт, держи ружье так, как я только что тебе показал, – терпеливо сказал Энтони, приподнимая локоть своего племянника, который с восторгом целился в соломенное чучело, на голове которого была надета старая высокая шляпа его отца.

– Дядя, как ты думаешь, Китти теперь будет лежать в постели всю жизнь? – вдруг, все еще прицеливаясь, спросил мальчик.

Этот вопрос застал Энтони врасплох и даже причинил ему душевную боль. Но он пожал плечами, улыбнулся и решительным тоном ответил:

– Твоя сестра быстро поправляется. Травма, которую она получила, конечно, очень серьезна и болезненна, но, все же, излечима. Корсет, который она носит, помогает ее позвоночнику срастись, и доктор Нортон уверен в том, что через несколько месяцев Китти вновь будет ходить. Однако корсет она должна будет носить еще два-три года.

– Мне жалко ее. Она еще такая маленькая, а уже так пострадала, – печально сказал Альберт. – А мама постоянно плачет. И Виктория с ней заодно. Хоть сбегай из этого дома!

– Сбегать, мальчик мой, точно не стоит: твоя семья нуждается в тебе. Ты и твой отец – мужчины, а значит, вам положено быть менее чувствительными, но это также возлагает на вас большую ответственность. Ты должен поддерживать своих дам и вытирать их слезы: это наша мужская обязанность, – добродушно усмехнувшись, парировал Энтони. – Но теперь попробуй сбить шляпу. Вперед,

Альберт, у тебя все получится.

Довольно хмыкнув, мальчик нажал на курок, но шляпа так и осталась украшать безобразную голову чучела.

– Эх! Но я почти попал! У этого страшилиды теперь появился левый глаз! – с гордостью за свое мастерство, весело рассмеялся мальчик. – Можно я еще стрельну? Еще разочек!

Энтони и Альберт находились довольно близко к замку, поэтому гром выстрела можно было услышать, даже находясь в его комнатах.

– Я думаю, на сегодня хватит с тебя стрельбы, – огорчил Энтони племянника. – Завтра мы обязательно повторим наше занятие, но чучело нужно будет перетащить к озеру, подальше от дома.

– Хорошо, дядя, как скажешь, – обреченно вздохнул Альберт и отдал тому ружье, а затем широко улыбнулся и вскрикнул: – Баббет! К нам идет Баббет! Ты видела, как я стрельнул? Видела? – Он побежал навстречу своей пожилой французской гувернантке, которая тут же схватила его в объятия и похвалила за меткую стрельбу.

– Пойдемте, мой юный джентльмен. Пришло время заняться французским языком! – ласково, по-французски сказала гувернантка, беря ладонь мальчика в свою. Затем она улыбнулась Энтони и протянула ему запечатанное письмо. – Вам пришла свежая почта, мистер Крэнфорд.

– Благодарю, – сказал тот и забрал письмо.

Терпеливо подождав, пока Баббет и Альберт удалятся на приличное от него расстояние, Энтони взглянул на адрес отправителя и улыбнулся: это было письмо от Шарлотты Сэлтон. Не веря своему счастью, он приложил бумагу к своим губам, а затем вдохнул нежный, едва слышный аромат роз. В нетерпении узнать, что написала ему возлюбленная, Энтони раскрыл письмо и, медленно направившись к дому, принялся читать его. Ему не мешал даже холодный, достаточно сильный ветер, дующий в этот серый день середины октября.

Одну сторону первого листа Шарлотта исписала о том, что ее родители все еще были в Дании, и когда они вернутся, было неизвестно. Также она коротко передала новые сплетни, гуляющие среди лондонской знати, и на этом новости из столицы закончились: остальные страницы письма были наполнены беспокойством девушки за Вивиан, которую, по ее словам, она не видела уже долго, и которая постоянно находит оправдания, чтобы не встречаться с ней.

«Как странно... Ведь Вивиан и Шарлотта были так дружны! Неужели моя кузина так занята, что не может найти даже свободного часа, чтобы навестить свою одинокую подругу? И Шарлотта ищет у меня ответы насчет странного поведения Вивиан! Все это очень подозрительно» – нахмурился молодой Крэнфорд.

«Вы, должно быть, тоже знаете, какие слухи ходят в городе насчет ее супруга. Говорят, до женитьбы на Вивиан, он вел весьма и весьма разгульный образ жизни... Я боюсь даже думать об этом, но предполагаю, что, возможно, извечная занятость моей дорогой подруги вызвана его поведением?» – писала мисс Сэлтон.

«Нет, здесь ты ошибаешься, моя дорогая Шарлотта. Уверен: Вивиан все еще не пришла в себя после заключения такого удачного для нее брака. А, может, она просто напросто ждет ребенка? – улыбнулся Энтони, уверенный в добропорядочности своего лучшего друга. – Да, Джереми любит весело развлечься, но даже, когда напивается до смерти, он и мыши не обидит... Но думаю, мне все же пора вернуться в Лондон: Китти идет на поправку, а моя любовь к Шарлотте возрастает с каждым днем, и я не буду спокоен до тех пор, пока она не станет моей законной женой»

Приняв твердое решение вернуться в Лондон, Энтони осторожно объявил о своем намерении больной племяннице. На это Китти лишь улыбнулась и сказала, что ее сестра Виктория поделилась с ней его секретом насчет мисс Сэлтон. Но Энтони не обиделся на болтушку Викторю: несмотря на свою серьезность, она была ребенком. Да и разве ему было чего стыдиться?

Единственным человеком, который оказался категорически против его отъезда, была леди Крэнфорд: если Ричард и Агнес приняли это спокойно и с пониманием, его мать весь вечер упрекала его в эгоизме и, в который раз, повторяла, что на днях в Деври должна была приехать младшая сестра Агнес, Александра.

– Эта девушка приезжает только затем, чтобы познакомиться с тобой! – восклицала леди Крэнфорд, расхаживая по покоям сына, в котором две горничные собирали в дорогу его вещи.

– Я не звал ее, матушка. Это сделали вы, вот вы и находите оправдания моему отсутствию, – равнодушно бросил Энтони. – Я уезжаю завтра же утром и забираю одну из наших карет.

– Моих карет, дорогой мой, – с нажимом на первое слово, мрачно сказала графиня, и эта фраза заставила молодого человека разочарованно улыбнуться.

– Ваших карет, мэм, – холодно повторил он. – Не беспокойтесь, я сейчас же попрошу Ричарда выделить мне одну из его карет, а обе ваши останутся с вами.

– Ну, за что ты так наказываешь меня? «Мэм»! Не матушка! Энтони, ты разбиваешь мне сердце! – Леди Крэнфорд театрально возвела руки к небу и покачала головой. – И чем же ты будешь заниматься в Лондоне?

– Жить своей жизнью и своим домом, – отчеканил ей в ответ сын. – А теперь попрошу вас покинуть мою комнату.

– Я не сойду с этого места до тех пор, пока ты не скажешь, что отказываешься от этой нелепой идеи возвратиться в Лондон! – решительно заявила леди Крэнфорд и скрестила руки на груди.

– Как пожелаете, мэм, – насмешливо усмехнулся Энтони и покинул свои покои, чтобы найти брата и попросить дать ему карету, лошадей и кучера, которые могли бы доставить его в столицу.

– Ну, хорошо! Бери мою карету! Только перестань называть меня «мэм»! – тут же услышал он голос матери за своей спиной.

– Благодарю, мэм. Обойдусь, – коротко бросил Энтони и больше не обращал внимания на причитания и жалобы, брошенные ему в спину.

К счастью, Ричард не стал упорствовать и без каких-либо вопросов и условий дал брату то, о чем тот его попросил.

Следующим утром, горячо простившись с племянниками, братом и его супругой, Энтони отбыл в Лондон.

Леди Крэнфорд не вышла попрощаться с сыном, но с мокрыми от слез разочарования глазами наблюдала за тем, как карета уносит его из поместья.

«Неблагодарный! Сколько страданий я перенесла, и все для вас, моих дорогих мальчиков! Мне пришлось исправить твою ошибку, но, конечно, ты не знаешь об этом, мой Энтони. И никогда не узнаешь! Ты считаешь меня плохой матерью? Что ж, это твое право, но это не заставит меня не беспокоиться о тебе!» – с горечью подумала она.

В этот раз дорога заняла у Энтони всего две недели, так как молодые резвые лошади, одолженные Ричардом, легко несли достаточно легкий, новейшей модели экипаж с тонкими колесами. До Гринхолла он добрался поздно ночью, и ему пришлось около четверти часа ожидать, когда кто-нибудь из слуг откроет ему входные двери. Приказав не разгружать свои чемоданы, так как на днях Энтони собирался наконец-то найти апартаменты и выехать из отчего дома, молодой человек поднялся в свои покои, скинул с себя дорожный костюм и с удовольствием забрался в свою собственную кровать, под свое собственное теплое одеяло. Проспав беспробудным сном до полудня следующего дня, Энтони вызвал своего камердинера, который помог ему одеться в элегантный прогулочный костюм, затем наскоро откушал ланч и, полный нетерпения и радости увидеть Шарлотту, приказал подать ему коня.

Конь, увидев хозяина, встретил его веселым ржанием.

– Ждать вас к ужину, мистер Крэнфорд? – учтиво осведомился дворецкий мистер Браун, провожающий Энтони.

– Не думаю, – отозвался молодой человек и, несмотря на свой теплый длинный плащ, нарочно созданный для холодной ветряной ноябрьской погоды, ловко забрался на лоснящуюся спину своего коня. – Но мне нужна ваша помощь, мистер Браун. Не имеется ли в вашем окружении человека, который помог бы мне подыскать уютные просторные апартаменты?

– Мой брат Вильям может помочь вам в этом, сэр, – ответил мистер Браун: на его лице не проскользнула ни одна эмоция удивления. Он знал, что

любопытствовать насчет дел господ было ему не к лицу.

– Прекрасно! Передайте ему, что я жду его в Гринхолле сегодня вечером после девяти часов. Хорошего дня, мистер Браун! – Энтони пустил коня легкой рысцой.

– И вам хорошего дня, сэр! – громко сказал ему вслед дворецкий.

«Как же приятно вернуться в этот город! Не думал, что буду так тосковать по Лондону!» – думал Энтони, с наслаждением наблюдая за загруженными экипажами улицами и извечно снующим по своим делам пешеходами.

Находясь в обширных, полных свободы и богатой растительности владениях брата, молодой Крэнфорд чувствовал себя как дома, но, лишь вернувшись в родной город, в котором он был рожден и прожил всю свою жизнь, Энтони мог быть счастливым. Счастливым по-настоящему, ведь именно здесь обитала прекрасная сладкоголосая мисс Сэлтон, к которой он сейчас направлялся.

Но, по дороге решив, что заявляться к Шарлотте так внезапно, без предупреждения, было бы грубостью с его стороны, Энтони направил коня к Уингтон-холлу, чтобы увидеть кузину и лучшего друга, а также повторно, но уже лично, поздравить их с заключением брака.

Подъехав к особняку Уингтонов, Энтони спешился, отдал коня подскочившему к нему конюху, взмыл вверх по высокой каменной лестнице и решительно постучал в украшенную узорами дверь. Не прошло и минуты, как дверь была открыта, и, войдя в дом, Энтони встретил в холле дворецкого.

– Добрый день, мистер Крэнфорд, – вежливо поприветствовал дворецкий гостя.

– Добрый день. Дома ли мистер Уингтон? – осведомился Энтони, Вдруг, из ниоткуда, рядом с ним появилась горничная и осторожно забрала у него шляпу и плащ.

– Мистер Уингтон на охоте, сэр, – деловито сообщил ему дворецкий.

– Что ж, я не удивлен. Но что миссис Уингтон?

– Она в своих покоях, сэр.

– Прекрасно. Проводите меня к ней, – приказал Энтони. – Я ее кузен, поэтому никаких представлений и карточек ей от меня не нужно.

– Как скажете, сэр. Прошу пройти за мной. – Дворецкий медленно направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

Энтони, ужасно заинтригованный и предвкушающий сделать кухне огромный сюрприз своим неожиданным появлением, направился следом за ним.

Когда мужчины подошли к дверям покоев миссис Уингтон, дворецкий хотел было постучать и осведомиться у хозяйки о том, желает ли она видеть гостя, но Энтони опередил его и, без стука, открыл дверь и вошел в комнату.

– А вот и наша молодая красавица миссис Уингтон! – радостно сказал он, появляясь в отражении зеркала туалетного столика, за которым сидела Вивиан.

– Энтони? – недоверчиво прошептала Вивиан и обернулась к гостю. – Энтони! Ты здесь! Боже мой, как я рада тебя видеть! – вскрикнула она и, поднявшись с пуфа, бросилась в объятия своего кузена. – Можете быть свободны! – поспешно бросила она дворецкому, и тот тотчас же закрыл двери.

– Ты вернулся! Но как поживает малышка Китти? Надеюсь, ей уже лучше? – отстранившись от Энтони, обеспокоенно спросила девушка.

– О, она становится сильнее с каждым днем, – улыбнулся Энтони. – А ты все так же прекрасна.... – Вдруг его теплый, полный счастья взгляд сменился непониманием, а между бровей легла глубокая морщина. Он схватил обнаженные запястья кузины, на которых отчетливо синели небольшие пятна, а затем внимательно присмотрелся к таким же точкам на ее белой шее.

– Что это? – спросил Энтони. Несмотря на то, что он говорил тихо, тон его голоса был весьма настойчив.

Вивиан горько усмехнулась, высвободилась из рук кузена и поспешила прикрыть шею ладонью, что, однако, мало помогло.

– Это моя плата за богатство, – совершенно спокойным тоном ответила она, но ей не терпелось спрятать эти синяки под легким шарфом, который она теперь носила каждый день и снимала лишь, когда уединялась в своих покоях.

Внезапный визит кузена застал девушку врасплох, и она ужасно жалела о том, что он увидел знаки ее унижения, оставленные на ее нежной коже Джереми. Она не искала жалости к себе и не желала оправдываться перед Энтони. Принять предложение Джереми Уингтона было ее сознательным выбором, даже притом, что она слышала, какие сплетни ходили о нем в обществе. Знала и стала его супругой. Добровольно. Ради денег и высокого статуса.

Джереми принес Вивиан и деньги, и статус, но забрал у нее самую Жизнь. Однако это было ее тайной, которую девушка оберегала, как птица свое гнездо.

– Я думала, что смогу изменить и подчинить его себе, но ошиблась, – бросила Вивиан кузену, оборачивая вокруг своей шеи мягкий шелковый шарф. – Только и всего. Мне жаль, что ты увидел меня такой.

– Что он делает с тобой? – грозным тоном спросил Энтони: в его душе закипала ярость. – Он бьет тебя?

– Бьет? Боже упаси, Энтони, за кого ты меня принимаешь? Разве я бы позволила ему бить меня? – наигранно закатила глаза Вивиан. Она подняла с кровати шерстяную шаль и закуталась в нее: теперь ее запястья были надежно скрыты от чужих глаз.

Вивиан старательно играла ненавистную ей роль равнодушной ко всему скалы. Скалой она, увы, не являлась, но была красивой редкой розой, попавшей в слишком жаркую для нее теплицу. И несмотря на то, что у этой розы имелись шипы, хозяину теплицы удалось затупить их и опалить яркие нежные лепестки его драгоценного цветка. Но Вивиан была слишком горда, чтобы жаловаться на моральные и физические страдания, а также ставить под сомнение своей

собственный выбор.

«Я найду к нему подход и открою ему глаза на то, что его любовь приносит мне лишь страдания, – думала девушка каждый раз, когда, утолив свою страсть, Джереми отворачивался от нее и засыпал, а она лежала на спине и молчаливо плакала. – Возможно, он не понимает, что между мной и шлюхами, с которыми он развлекался до нашей свадьбы, нет ничего общего. Завтра, когда он проснется, я скажу ему это. Обязательно скажу».

Дни пролетали, а Вивиан так и не нашла в себе силы исполнить задуманное, но вместо этого продолжала вставать рано утром, чтобы закрыться в библиотеке и уйти в глубокие, ни к чему не приводящие раздумья.

К счастью, с той злополучной охоты, на которой Джереми приказал супруге принести ему мертвую лису, он больше не настаивал на том, чтобы Вивиан сопровождала его, когда он желал провести за охотой весь день. И эти часы были для девушки манной небесной, которые, увы, проходили и вновь ввергали ее в ужас супружеского ложа и сильных, до боли сжимающих ее шею и запястья пальцев и требовательных жестких губ.

– Не бьет, но оставляет на твоём теле синяки, моя дорогая кузина, – холодно отозвался Энтони. Его прекрасное настроение улетучилось.

– Брось, – отмахнулась Вивиан. – Он всего лишь гадкий мальчишка, который иногда слишком заигрывается с любимой игрушкой.

– Это он считает тебя своей игрушкой? Или это ты уверила себя в этом? – язвительно улыбнулся Энтони.

– Прошу, не начинай скандал. Я просто неправильно выразилась, – скучающим тоном ответила девушка. Она подошла к кузену и, взяв его под локоть, заглянула в его глаза и мягко улыбнулась: – Но давай прогуляемся по саду. Уверена, у тебя ко мне есть много интересных вопросов, не так ли?

– Именно. И один из них: «Почему твои руки и шея полны синяков?». Джереми обижает тебя? Позволь мне поговорить с ним, как мужчина с мужчиной, – более мягким тоном сказал Энтони.

Мой дорогой смелый рыцарь, уверяю тебя, эти неприятные на вид синие следы на моей коже – следы супружеской страсти, – шепнула Вивиан на уху кузену и довольно рассмеялась, увидев, каким пунцовым стало его лицо.

– Что ж, в таком случае, я не буду настаивать на своем вмешательстве, – после некоторой паузы тихо сказал тот.

Кузены покинули покои и медленно зашагали по длинному коридору.

– Но скажи мне: отчего ты позабыла о своей лучшей подруге? – вспомнив о письме Шарлотты, с нажимом в голосе спросил молодой Крэнфорд.

– Она писала тебе? – упавшим голосом откликнулась миссис Уингтон. – Что именно она рассказала тебе?

– Что вы не виделись уже два месяца, что она скучает по тебе, но, сама того не замечая, или, возможно, даже нарочно, ты отталкиваешь ее от себя.

– Нет, нет, она ошибается... Я тоже скучаю по ней... Энтони, ты и понятия не имеешь, как сильно я скучаю по моей смешной доброй Шарлотте, – вздохнула Вивиан, но, предчувствуя новые вопросы с его стороны, продолжила: – Но последние месяцы были просто невыносимы: мигрени преследовали меня почти каждый день! А эта совсем мне ненужная простуда? А жара? Мое самочувствие не позволяло мне ни выйти из дома, кроме как в сад, ни, тем более, навещать Шарлотту.

– Она была готова приезжать к тебе сама, – бросил Энтони, совершенно неудовлетворенный рассказом кузины.

– Но как бы я приняла ее, когда единственным, что спасало меня, были моя постель и влажные полотенца? – пожала плечами девушка. – Да и сам посуди: что подумала бы бедная Шарлотта, увидев то, что увидел ты? Я отвечу тебе: она ошибочно уверилась бы в том, что я вышла замуж за тирана.

– А ты так боишься, что не сможешь убедить ее в обратном, что скрываешься от нее, как курица в своем курятнике? – ухмыльнулся молодой Крэнфорд.

– Какое лестное сравнение! – наигранно хихикнула Вивиан. – К слову, слышал ли ты о том, что дочь леди Мальборо, Александра, теперь помолвлена с каким-то немецким аристократом? Весь Лондон только об этом и говорит!

– Не пытайся сбить меня с толку, – мрачно сказал Энтони и поморщился от мысли, что другая Александра, сестра его невестки Агнес, должно быть, уже находилась в Деври и недоумевала оттого, почему тот, с кем ее обещали познакомить или даже обручить, исчез.

– Я не пытаюсь сбить тебя с толку, Энтони, а всего лишь передаю последние новости, – слегка раздраженным тоном возразила ему кузина.

Вивиан не нравилось, что он разгадал ее намерение перевести разговор в другое русло.

– Хорошо, приношу свои извинения. Но как твое самочувствие сейчас, когда на улице играет ветер и стоит ноябрьский холод? – примиряющее улыбнулся Энтони.

– Сегодня? Вполне сносно.

– Прекрасно. Тогда мы едем в Лиллехус.

Это заявление так изумило хозяйку дома, что она тотчас остановилась и взглянула на кузена ошеломленным, полным неверия взглядом.

– В Лиллехус! – воскликнула она. – Чтобы Шарлотта увидела меня в таком виде?

– Ты забыла о том, что за окном глубокая осень, моя дорогая, и никто не удивится, если увидит тебя в платье с длинными рукавами. А шею ты можешь спрятать под шарфом, как сейчас, – решительным тоном сказал Энтони и повел кузину обратно к ее покоям.

– Но что скажет Джереми, когда приедет с охоты и не обнаружит меня дома? – обеспокоенно спросила девушка. Она отчаянно желала увидеть подругу, но была полна страха того, что ее супруг разозлится на несогласованный с ним поступок.

- Мы оставим для него записку. Я напишу ему, что забрал тебя к твоей лучшей подруге. Зови горничную и смени платье, - ответил Энтони.

- Но, если он не так все поймет? Что, если он не поверит?

- Он прекрасно знаком с моим почерком. К тому же ваш дворецкий не раз видел меня здесь и сможет подтвердить то, что именно твой кузен забрал тебя из дома.

- Но...

- Никаких «но». Твоя подруга нуждается в тебе и будет на седьмом небе от счастья, если увидит тебя сегодня.

Голос Энтони был таким твердым, что Вивиан поверила ему, и ее душа наполнилась радостью: она едет к Шарлотте! Наконец-то! Энтони, ее рыцарь, хоть ненадолго заберет ее из логова дракона!

Пока Джейн, сияющая от того, что ее любимая хозяйка улыбалась после долгих дней грусти и печали, одевала Вивиан в одно из красивых, новых платьев, которые недавно были сшиты для нее приходящими на дом модистками и швеями, Энтони написал другу короткую записку.

«Дорогой друг, я рад сообщить, что наконец-то вернулся в Лондон. Первым, что я желал сделать по прибытии – поприветствовать тебя и мою кухню. Однако, увы, в данный момент ты наслаждаешься охотой, поэтому я забираю твою супругу к ее подруге мисс Сэлтон. Волнения ни к чему: я доставлю Вивиан домой к восьми вечера в целостности и сохранности» - гласила записка, которую Энтони передал дворецкому.

Вскоре, полная счастья, Вивиан сидела в красивом закрытом экипаже Уингтонов, рядом со своим кузеном, который впервые за три месяца увозил ее за пределы Уингтон-холла. На ней было надето роскошное муслиновое платье с длинными рукавами, но довольно низким вырезом, однако синие пятна на шее девушки были надежно спрятаны под зеленым шарфиком, а наполовину закрывающие кисти рук рукава скрывали синяки на ее запястьях. Поверх платья был надет длинный теплый плащ, и голову девушки украшала милая шляпка.

«И почему я не догадалась одеться так ранее? Глупая! Могла бы навещать бедную Шарлотту хотя бы два раза... Хотя бы раз в неделю! Даже проклятый Джереми не нашел бы, что возразить на это!» – с недовольством на себя саму, подумала Вивиан.

– Мне кажется, мой супруг недолюбливает нашу Шарлотту, – наморщив носик, вдруг нарушила девушка тишину, стоящую в карете.

– Что заставляет тебя так думать? – приподнял брови Энтони.

– Мне так кажется, – пожалала плечами Вивиан. – И он как-то сказал мне, что Шарлотта плохо влияет на мое поведение. Сказал, что она слишком свободолобивая и легкомысленная.

– Джереми сказал такое о Шарлотте? – прищурил взгляд молодой Крэнфорд: эта новость была для него не из приятных.

– Ну, а кто же еще? За кем я нахожусь замужем? – с сарказмом ответила Вивиан. – Но мне все равно, что он себе надумал. Я не предаю нашу с Шарлоттой дружбу. Джереми придется смириться с тем, что с сегодняшнего дня я буду приезжать к ней, а она – ко мне, – решительным тоном добавила она.

– Шарлотта? Легкомысленна? – Энтони насмешливо усмехнулся. – Возможно, она немного наивна, но легкомысленность ей явно не присуща.

– Скажи это ему! – бросила Вивиан, отвернув лицо к окну. – И, пожалуйста, дорогой кузен, в письмах ко мне не упоминай о Ричарде. Даже не намекай о нем: Джереми однажды заявил, что желает читать мою корреспонденцию, и я боюсь, что если он узнает о Ричарде, то устроит просто невообразимый скандал, и это принесет мне много неудобств или даже развод. И еще: не говори ему о том, что ты видел мои синяки, потому что это смутит его.

– Порой мне кажется, что мы разговариваем о двух разных джентльменах. Потому что тот Джереми Уингтон, которого я знаю, никогда не стал бы читать чужие письма, – прохладным тоном сказал на это Крэнфорд. – Но как тебе удалось влюбить его в себя настолько, что он, против всякого здравого смысла, женился на тебе?

– Все просто: когда твоя мать выгнала меня на улицу, это он подобрал меня и влюбился. А когда отец Джереми узнал о том, что его сын хочет жениться на бесприданнице, он отправил его загород, – равнодушным тоном поведала Вивиан, все так же глядя в окно. – Но, когда его отец умер, Джереми примчался ко мне, признался мне в вечной любви и сделал предложение, от которого я не могла отказаться.

– Конечно, не могла, ведь этот брак сделал тебя несметно богатой, – с иронией бросил Энтони. – Но, признайся: есть ли у тебя к нему хоть какие-то теплые чувства, или твое сердце остается верным Ричарду?

– Люблю ли я Джереми? – тихо переспросила девушка. – Ни капли. Но я благодарна ему.

– Благодарна? И все?

– И все. Ты считаешь меня бесчувственной? – Вивиан пожала плечами. – Это брак, мой дорогой кузен. Брак нуждается в чем угодно, но не в любви. И ты ведь сам желаешь жениться на моей доброй Шарлотте лишь из-за ее приданого.

– Собирался, – мягко поправил кузину Энтони. – В Деври, поместье моего брата, я осознал, что имею к мисс Сэлтон нежные чувства.

Вивиан с интересом всмотрелась в лицо кузена, пытаясь определить, не лгал ли он о своей любви к ее подруге, но на устах Энтони сияла такая спокойная и счастливая улыбка, что девушка тотчас поверила его словам и искренне поздравила с истинно достойным выбором. Однако обсудить эту пикантную тему им не удалось, так как уже через несколько минут экипаж остановился и раздался громкий крик кучера: «Приехали, мэм!»

Не нужно подробно описывать, в какой восторг пришла Шарлотта, когда дворецкий принес ей визитную карточку мистера Крэнфорда, а также доложил, что вместе с ним приехала и миссис Уингтон. Вскочив из-за стола и бросив писать письмо родителям в Данию, мисс Сэлтон выпорхнула из своих покоев и поспешила принять гостей.

– Вивиан! – громко воскликнула девушка, спустившись в холл и заключив подругу в крепкие объятия. – Ты приехала! А я уже начала думать, что ты

забыла обо мне!

– Глупенькая! Разве я могла? – широко улыбнулась Вивиан, так же крепко обнимая ее в ответ. – Сейчас же выкини эти мысли из своей головушки!

Вдоволь наобнимавшись, девушки вдруг вспомнили об Энтони, который тоже присутствовал в холле и, должно быть, скучал, наблюдая за радостью подруг и слушая их счастливые восклицания.

– Мистер Крэнфорд! Вы вернулись с севера в Лондон! – дружелюбно сказала Шарлотта гостю, не забыв сделать ему вежливый книксен.

– И, мисс Сэлтон, я должен сказать: «Как же прекрасно вновь вернуться домой!» – с улыбкой ответил тот.

«Он и, правда, влюблен в нее! Я никогда не видела, чтобы его глаза так светились!» – довольно подумала Вивиан, со счастливой улыбкой наблюдая за подругой и своим кузеном.

Миссис Уингтон не ошиблась: голубые глаза молодого человека вдруг превратились в два сияющих светильника, а в его взгляде можно было прочесть не скрытое восхищение. Энтони отчаянно желал прикоснуться к возлюбленной, поэтому тут же предложил девушкам прогуляться по уже мертвому саду Сэлтонов, чтобы почувствовать теплую ладонь Шарлотты на своем локте. Несмотря на пронизывающий холодный ветер, и Шарлотта, и Вивиан были только рады такой прогулке, однако сперва мисс Сэлтон пожелала зайти в свои покои, чтобы подобрать к своему синему платью шляпку и перчатки.

– Вивиан, ты должна помочь мне с выбором! – сказала Шарлотта и, схватив подругу за ладонь, повела ее за собой. Затем, все так же на ходу, она обернулась к Энтони: – Прошу прощения, мистер Крэнфорд! Мы постараемся справиться хотя бы за четверть часа!

– Как скажете, мисс Сэлтон! – добродушно усмехнулся тот, наблюдая за ней с нежностью, разлитой в его груди, и полным любви сердцем. Он уже видел эту девушку своей супругой, видел ее в своих объятиях. Но, если его прежние чувства к Вивиан заставляли его воображать страстные картины, то любовь к мисс Сэлтон рисовала в его разуме домашние сцены, полные тепла и уюта.

Энтони также отметил, как значительно изменился внешний вид Шарлотты и подумал, что это синее шелковое платье было ей очень к лицу.

Когда девушки поднялись в покои мисс Сэлтон, та впустила Вивиан, затем вошла сама и закрыла за собой дверь. Усадив подругу на диван, Шарлотта взяла ее ладонь в свою и, беспокойным взглядом пристально всмотрелась в ее лицо, такое бледное и измученное несмотря на то, что Вивиан улыбалась.

«Она сама на себя не похожа. Каким худым стало ее лицо! А эти круги под ее красивыми глазами? Вивиан, моя дорогая, хорошая! Теперь я точно знаю, что ты скрываешь от меня что-то очень важное!» – невольно подумала мисс Сэлтон.

– А теперь скажи мне: это твой супруг не желает, чтобы мы виделись? – напрямик спросила она, решив не тратить понапрасну время.

Догадливость подруги застала Вивиан врасплох, и она лихорадочно искала слова, чтобы уверить ее в том, что она ошибается.

– Шарлотта, ну, что опять за глупости? – фальшиво игривым тоном воскликнула Вивиан.

– Признаюсь, я не так уж и верила всем твоим недомоганиям, которые делали невозможными наши встречи. Но теперь, моя дорогая, я отчетливо вижу, что этот брак изменил тебя! Ты выглядишь усталой, очень усталой. И несчастной! – настаивала Шарлотта, и ее взгляд стал строгим, будто она превратилась в няню, отчитывающую свою подопечную.

Не зная, что возразить на это справедливое замечание, миссис Уингтон машинально коснулась шелкового шарфа на ее шее и лишь отрицательно покачала головой.

– Я, право, не знаю, что ответить! Разве мы не собирались в парк? – нарочно изумленным тоном спросила она.

– Вивиан, я твоя подруга и всегда поддержу тебя, – ласково сказала Шарлотта. – Позволь мне выслушать тебя и поделись твою ношу.

Вивиан приложила ладонь к губам: ей отчаянно хотелось рассказать подруге обо всем, что происходило между ней и супругом, но она знала, что Шарлотта будет страдать, услышав эту темную правду. Но и терпеть она больше не могла.

– Ты... Ты права. Это все мой муж! – тихо, словно боясь, что их могут подслушать, сказала Вивиан и с силой сжала ладонь подруги. – Он любит меня... Но любит безумно! Он ревнует меня настолько, что не позволяет приезжать к тебе. Боится, что я буду улыбаться другим мужчинам...

– Но, дорогая моя, ведь это так... Невообразимо! Так жестоко! – громко прошептала Шарлотта. – Он не имеет никакого права так поступать с тобой! Ты его законная супруга, а не какая-нибудь содержанка!

– Увы! Именно содержанкой я и являюсь! – с горечью воскликнула Вивиан, но тут же осеклась и продолжила шепотом: – Я не принесла ему приданого, и, уверена, поэтому он чувствует себя моим хозяином! А может даже, он считает меня красивой кобылкой, купленной им для того, чтобы радовать лишь его глаза... А еще он заявил мне, что я должна родить ему троих детей! Трех, Шарлотта! – Она беспомощно рассмеялась. – К счастью, этому не бывать: стоит лишь пить специальную траву...

– Но знает ли обо всем этом твой кузен? – с нажимом спросила Шарлотта.

– Нет... Я играю роль счастливой дурочки и заставляю его думать, будто между мной и Джереми нет ничего, кроме гармонии и счастья. – Вивиан сглотнула. – Но Джереми... Он... Я боюсь его... Боюсь, что его любовь ко мне сломает меня, убьет...

– Фрэнкен Сэлтон! – вдруг послышался за закрытой дверью голос дворецкого. – Могу я войти?

– Да, да, конечно! – отозвалась на это девушка.

Последние сказанные Вивиан предложения заставили ее побледнеть от ужаса, и она решила дать подруге небольшую паузу, понимая, как сложно было той делиться такими интимными секретами.

Дверь в покои открылась, и в комнату вошел мистер Андерсон, держащий в руке серебряный поднос.

– К вам еще один джентльмен, фрёкен, – учтиво объявил он и подошел к хозяйке дома.

– Какой интересный день! То ни одного гостя, то сразу трое! – фальшиво улыбнулась Вивиан.

– Ты права, моя дорогая! – хихикнула Шарлотта. Она взяла с подноса красивую визитную карточку, пробежала по ней взглядом, и на ее лице Вивиан тотчас прочитала выражение самой настоящей тревоги.

– Это мой супруг, не так ли? – почти беззвучно спросила миссис Уингтон.

Шарлотта взглянула на подругу и молча протянула ей визитную карточку.

Но Вивиан не нужно было читать имя, написанное на этом аккуратном украшенном золотистыми узорами прямоугольнике. Она знала его.

– Он здесь... Он пришел за мной, – горько улыбнулась девушка, и ее пальцы судорожно вцепились в нежную ладонь Шарлотты.

Глава 6

– Джереми! Не ожидал увидеть тебя здесь! – удивленно воскликнул Энтони, увидев своего лучшего друга, вошедшего в холл Лиллехуса.

Мистер Уингтон отдал прислуге свои шляпу и плащ, и друзья крепко обнялись.

– Да ты приехал прямиком с охоты! – весело сказал молодой Крэнфорд, лишь сейчас обратив внимание на то, что Джереми был одет в темный охотничий костюм, кое-где заляпанный коричневой грязью. Сапоги охотника и вовсе были покрыты уже засохшей лесной почвой.

– Ты написал, что вернулся, и я решил не терять драгоценного времени и встретить тебя, – так же весело откликнулся Джереми. – Но где же наши красавицы?

– Мисс Сэлтон выбирает шляпку для прогулки, а твоя супруга помогает ей в этом. Мы собрались прогуляться по саду, видишь ли...

– Прекрасно. Значит, мой неожиданный приезд не так уж не к месту... Вы дворецкий? – обратился Джереми к вышедшему из соседнего зала мистеру Андерсону. – Передайте вашей госпоже мою визитную карточку.

– Как скажете, сэр. – Мистер Андерсон забрал у нового гостя карточку и направился к лестнице.

– Ах, да, прими мои искренние соболезнования: я узнал о смерти твоего отца из утренней газеты, с двухнедельным опозданием, – поспешил сказать Энтони другу.

– Благодарю, друг мой. Но признаться, я совершенно не ощущаю потери. Он для меня не существовал, как и я для него, – равнодушным тоном бросил Джереми, приглаживая свои красивые, слегка растрепанные волосы. – Мой старик покинул этот мир в весьма удобный для меня момент, и я благодарен ему за это.

– Какой цинизм, – поморщился Энтони. – Я, конечно, понимаю, что он не был хорошим отцом, но считаю, что ты не вправе отзываться о нем в таком тоне.

– Даже, если узнаешь, что он сам приучил меня к алкоголю, когда мне было тринадцать лет? – усмехнулся Джереми: слова друга задели его гордость, и он почувствовал к нему некоторое раздражение.

– Тринадцать? – недоверчиво переспросил Энтони.

– Тринадцать. Это было Рождество, и он заставил меня распить с ним за праздничным столом бутылку виски. А ведь до этого я совсем не пил. Но мой старик решил, что я был слишком замкнутым и хотел увидеть мою улыбку, так он сказал мне в тот вечер. – Джереми приподнял подбородок и, прищурившись, взглянул на друга. – Не думаю, что тебя заставляли пить виски, когда тебе было

тринадцать.

– Нет, не заставляли. Впервые я прикоснулся к алкоголю, когда мне было пятнадцать лет, и это была маленькая рюмка сладкого ликера, – согласился Энтони и вдруг осознал, какие яркие, полнее уюта и заботы года имел он в то время, как Джереми был для собственного отца всего лишь тенью, которую старался не замечать.

– С того вечера я пил каждый день. Это был стакан вина за обедом, немного бренди перед сном... И виски. Да, любимый виски моего папаши. Он пристрастил меня к нему, – задумчиво сказал Джереми. – А когда я стал зависимым от спиртного, он заявил, что я позорю его имя. Чертов... – Он вовремя остановил себя, чтобы не выругаться при друге. – Поэтому я рад, что он умер. Считаю меня кем угодно. Это твое право.

– Извини меня... Мне жаль, что твой отец был таким эгоистом, – тихо произнес Энтони, но затем широко улыбнулся. – Но хватит о нем. Ты лучше скажи, друг мой, как ты решился жениться на моей кузине? Помнится, ты сказал, что даже ее красота не затмевает ее бедности!

– Любовь, друг мой, непредсказуема! – рассмеялся на это Джереми. – Я влюбился в эту рыжую нимфу настолько, что мне было плевать на все. Старик отослал меня загород, когда я заявил ему о своем намерении жениться на Вивиан. Но, когда я получил известие о его смерти, когда он наконец-то осчастливил меня своим уходом, первое что я сделал, вернувшись в Лондон, – нанес визит твоей кузине. Я сделал ей предложение. Она согласилась. Вот такая забавная история со счастливым концом. Но мне не хватало тебя на свадьбе.

– Увы, мне пришлось срочно покинуть Лондон и навестить брата, – вздохнул Энтони.

– Вивиан говорила мне. Надеюсь, ребенок скоро вновь встанет на ноги.

– И я надеюсь.

Воцарилась тишина. Странная, приносящая дискомфорт обоим джентльменам тишина. К счастью, вскоре на лестнице послышались шаги, и появился дворецкий.

– Я передал вашу визитную карточку фрёкен Сэлтон, сэр, – обратился мистер Андерсон к Джереми, когда подошел к гостям. – Она велела осведомиться о том, не желаете ли вы, джентльмены утолить жажду?

– Нет, благодарю, – вежливо ответил Энтони.

– Я, пожалуй, тоже откажусь, – пожал плечами мистер Уингтон. – Но не передала ли мисс Сэлтон, как долго нам потребуется ждать появления дам?

– Передала, сэр. Она сказала, что уже почти готова, и дамы сойдут вниз через несколько минут. Могу ли я оказать вам еще какую-нибудь услугу? – осведомился дворецкий.

– Не думаю. Но прошу, поделитесь с нами: где вы так хорошо выучили английский? – с улыбкой спросил Энтони.

– Моя должность требует от меня многих умений, сэр. – Губы мистера Андерсона слегка дрогнули в улыбке. – К тому же, как вы, должно быть, знаете, мистер Сэлтон – чистокровный англичанин, и он предпочитает, чтобы все в его доме владели его родным языком. Даже горничные. – Он принес гостям вежливый поклон и удалился.

Как и обещал дворецкий, девушки появились в холле через пару минут, тем самым прервав оживленную беседу джентльменов о поражении Наполеона и его союзников. Кажется, подруги обсуждали занимательную сплетню: их звонкий смех вдруг наполнил собой огромный холл и тихим эхом отражался от высокого, украшенного бледной, но элегантной росписью потолка.

– Но продолжим нашу беседу позже, – с улыбкой сказал Джереми другу и направился навстречу мисс Сэлтон, которая улыбнулась ему, остановилась и присела в книксене. – Рад снова видеть вас, мисс Сэлтон. И рад, что моя супруга смогла навестить вас сегодня, – деликатно сказал он, отвесив девушке грациозный поклон.

«Какой талантливый лицедей этот гадкий человек! Улыбается мне, а в душе считает, что нашей с Вивиан дружбе не стоит существовать!» – невольно подумала Шарлотта, наблюдая за галантным поведением супруга подруги,

который, как она теперь знала, был самым настоящим деспотом.

– Я тоже рада тому, что миссис Уингтон и мистер Крэнфорд так неожиданно наполнили мой день теплом и светом, – вежливо ответила Шарлотта. – Но вы должны беречь нашу дорогую Вивиан: в последнее время у нее наблюдается очень слабое здоровье.

– Уверяю вас, моя супруга окружена любовью и заботой, – ответил Джереми.

– О, не сомневаюсь в этом! – сумела выдать из себя мисс Сэлтон. – Но слышали ли вы последние новости? Герцог Найтингейл и мисс Бэкли официально объявили дату их свадьбы!

– Герцог Найтингейл женится? – удивился Энтони, впервые услышав эту новость.

– Друг мой, да ты, кажется, совсем застыл в своем Деври! – со смешком сказал Джереми. – Об этом событии трубили все газеты!

– Право, я не помню, чтобы об этом писали, а ведь получал почту и газеты каждый день. Пусть и двухнедельной давности, – усмехнулся Энтони. – И когда свершилось это грандиозное событие? Я имею в виду помолвку.

– В середине августа, если не ошибаюсь, – подала голос Вивиан.

Энтони пристально взглянул на кухню.

«Так вот почему она приняла предложение Джереми! Герцог Найтингейл был для нее потерян, а мой друг так кстати пал к ее ногам» – догадался он, и, словно прочитав его мысли, Вивиан улыбнулась и едва заметно кивнула.

– Но не будем терять времени! Скоро стемнеет, а мы тратим дневной свет на сплетни! – увидев, каким грустным вдруг стало лицо ее подруги, воскликнула Шарлотта. И, подойдя к Энтони, она попросила его помочь ей надеть ее длинный теплый плащ.

– Что-то случилось, любовь моя? Ты выглядишь расстроенной, – тоже заметив выражение лица супруги, спросил ее Джереми.

– Мне просто очень жаль Шарлотту, – шепотом солгала ему та и положила свою ладонь на его локоть. – За все время, пока мы не виделись, к ней не посватался ни один джентльмен! Но, любовь моя, помоги мне с плащом. На улице так холодно! И как только ты находишь в себе силы на охоту в такие мрачные ветреные дни?

– Я люблю охоту и не подчиняюсь капризам погоды, – с чарующей улыбкой сказал Джереми. – Правда, сегодня Артемида решила расстроить меня. Ни одного трофея! Но завтра я возьму с собой твоего кузена, и, клянусь, вернусь домой не раньше, чем мой мешок будет наполнен доверху.

– Я буду молить Артемиду смилостивиться над тобой, мой дорогой, – ласково ответила на это Вивиан.

«Глупый любитель крови и убийства! Пусть Господь накажет тебя за твою кровожадность! Пусть завтра твой конь сбросит тебя... Пусть завтра ты утонешь! Пусть твое ружье выстрелит в твою же голову!» – с горячей в душе ненавистью подумала девушка.

Мисс Сэлтон, в паре с мистером Крэнфордом, и чета Уингтонов покинули дом и вышли в большой, но по-осеннему грустный сад, в котором не горели яркие краски цветов, а только усталые голые стволы деревьев и их кривые ветви скрипели под проказами ветра. Благодаря тому, что шляпки девушек были надежно закреплены шелковыми лентами, красиво завязанными под их подбородками, удерживать их ладонью не приходилось, однако джентльменам повезло меньше, и они, посмеиваясь, не давали своим высоким шляпам покинуть их головы.

Четверть часа молодые люди шли в одну линию, благо, дорожки сада Сэлтонов отличались шириной и ухоженностью. Затем Энтони со смехом заметил, что, очевидно, подругам не терпится посплетничать, и Шарлотта взяла под руку Вивиан, а Джереми и его друг Крэнфорд сбавили шаг, чтобы не подслушивать хихиканье девушек, и вновь заговорили о политике.

– Прости мне мою наивность, дорогая, но твой супруг так вежлив со мной, что даже трудно поверить в то, что, на самом деле, он тиран и деспот! – прошептала Шарлотта подруге.

– Вот это сплетня! – громко воскликнула Вивиан и издала веселый смешок, зная, что Джереми, в данный момент беседующий с ее кузенком, прожигал ее спину своим пристальным взглядом. И, наклонившись к лицу Шарлотты, она тихо сказала: – Это всего лишь маска, всего лишь ширма. Он так очарователен в обществе, но так противоречив в своем доме. Многие слуги побаиваются его. Конечно, они ни разу не высказали об этом своем страхе вслух, но я легко читаю по их лицам.

– Умоляю, расскажи обо всем твоему кузену! Он защитит тебя!

– Я не могу. Если он узнает и будет дискутировать это с моим супругом, новость о моем незавидном положении выскользнет из стен Уингтон-холла, и ее будет смаковать весь Лондон. А моя тетя? Она будет только рада моей трагедии! Но, моя дорогая, теперь твоя очередь смеяться.

– Наверное, на балу в честь помолвки герцога Найтингейла и его невесты, многие дамы будут плакать горючими слезами! – веселым тоном громко сказала Шарлотта.

– Ты уверена, что они дадут бал? – хохотнула Вивиан. – Они помолвлены уже три месяца, а мы все никак не дождемся приглашения! – Она вновь наклонилась к лицу подруги и прошептала: – Ты действительно думаешь, что скоро мы сможем поплясать на этом балу?

– Естественно, моя дорогая. Объявить о помолвке и не устроить праздника считается плохим тоном, – утвердительно ответила Шарлотта и шепнула: – Но стоит ли тебе принимать это приглашение? Ты замужем, но, думаю, твои чувства к герцогу все еще не угасли?

– О, теперь это не имеет никакого значения. Не беспокойся, я не буду обливаться слезами, видя, как он ведет на танец свою невесту... – Вивиан кашлянула и, обернувшись к джентльменам, крикнула им: – И о чем же вы, джентльмены, так горячо дискутируете?

– Война, моя дорогая супруга! – ответил Джереми.

– Ах, скука смертная! – бросила на это девушка. – Но какой холодный сегодня день!

- Если пожелаешь, мы вернемся в дом, в тепло, – обратилась к ней Шарлотта.

- Нет, нет, что ты! Я совсем не замерзла! – поспешно ответила ей Вивиан, тотчас пожалев о том, что сказала.

- Мисс Сэлтон права, моя дорогая. Ты выглядишь очень бледной. Мы возвращаемся домой: не желаю, чтобы ты вновь занемогла, – решительным тоном объявил Джереми.

- Но и ты, и я, мы только приехали! – нахмурилась его супруга и с сожалением взглянула на подругу.

- Прости меня! – с виноватым выражением лица шепнула ей Шарлотта.

- Нет нужно извинений! Я сама виновата! – шепотом ответила Вивиан. – И, когда дворецкий принес его карточку, я знала, что он не даст нам провести время вместе...

- Пойдем, моя дорогая. – Вкрадчивый тон голоса Джереми заставил Вивиан похолодеть.

- Приезжай завтра к нам в Уингтон-холл, – найдя в себе силы, ровным тоном сказала Вивиан подруге. Она сказала это громко, чтобы ее тиран смог услышать эти слова. – Мои супруг и кузен будут на охоте, и я буду одна дома.

- Я пока еще не слышал от тебя предложения посвятить завтрашний день охоте, но, друг мой, мое согласие ты только что получил! – шутливо сказал Энтони другу.

- И завтра, Крэнфорд, я утру тебе нос и настреляю так много дичи, что твоему коню тоже придется тащить на себе мои мешки с трофеем, – с иронией ответил ему Джереми, но затем вновь устремил взгляд на свою супругу. – Пойдем, Вивиан.

- Я приеду! Обязательно приеду! – Шарлотта крепко сжала ладонь подруги, и девушки медленно подошли к джентльменам.

– Прошу прощения за наш поспешный отъезд, мисс Сэлтон, – извиняющимся тоном сказал Джереми, когда чета Уингтонов покидала Лиллехус. – Здоровье моей супруги такое хрупкое, что ей достаточно и легкого бриза, чтобы подхватить простуду.

– Я понимаю, мистер Уингтон. К тому же, я увижу Вивиан завтра, и эта мысль согревает мое сердце, – наиграно улыбнулась ему Шарлотта.

– Крэнфорд, ты с нами? – осведомился Джереми.

– Если мисс Сэлтон не возражает, я пожелал бы остаться здесь и еще раз провести ее по саду, – сказал Энтони, и этот ответ вызвал на губах хозяйки дома удивленную, но благодарную улыбку.

– Буду рада вашему обществу, мистер Крэнфорд, – тихо сказала она.

– Но как ты доберешься домой? – спросила Вивиан своего кузена. – Мы приехали в одном экипаже!

– Я оставлю тебе своего коня, – не дав другу раскрыть рта, заявил Джереми. – Только прошу, проследи, чтобы сегодня к вечеру он был доставлен в Уингтон-холл. Я хочу взять его на завтрашнюю охоту.

– Благодарю, друг мой. Буду у тебя завтра к восьми утра. До встречи, моя дорогая кузина, – сказал Энтони.

– До встречи и удачной охоты, – с некоторым сарказмом ответила Вивиан. Затем она крепко обняла Шарлотту. – С нетерпением жду завтрашнего дня!

Уингтоны сели в свой экипаж.

– Трогай! – крикнул Джереми кучеру.

Экипаж тронулся с места.

– Признаться, твое бегство неприятно поразило меня, – мрачно сказал мистер Уингтон, наблюдая в окно за тем, как Энтони и мисс Сэлтон машут друзьям

вслед.

- Бегство, мой дорогой? – приподняла брови Вивиан.

Хмурый вид и строгое выражение лица супруга заставили ее тело покрыться мурашками, но она решила, что с нее хватит! Она больше не позволит ему командовать собой! Пора было показать ему, что она больше не намерена была быть его пленницей!

- А как еще можно назвать твой поступок? – возразил ей Джереми.

- Я всего лишь желала проведать мою подругу... Лучшую подругу! – подняла подбородок девушка. – Я свободная женщина! Не твоя рабыня!

- Ты моя жена! – строго сказал Джереми и схватил тонкое запястье супруги. – И без моего разрешения ты не смеешь покидать дом!

- Ах, ну, разведись со мной, если тебе не по душе такая непослушная жена! – с сарказмом воскликнула Вивиан, словно не обращая внимания на железную хватку его пальцев.

- Этого никогда не произойдет. Ты моя. Только моя. И я никогда, слышишь, никогда, не дам тебе развод!

- Тогда перестань! Перестань командовать мной, как какой-то горничной! Ты должен уважать мой выбор и мои желания, а не подавлять их!

- Поговорим дома, – вдруг совершенно спокойным тоном сказал Джереми и отпустил руку Вивиан.

- Прекрасно! – холодно бросила на это она и отвернула лицо к окну. – Скажи мне, ты нарочно приехал, чтобы не дать мне побыть с Шарлоттой? Или, может, ты ревнуешь меня и к моему кузену?

- А если это так? – неприятно усмехнулся ее супруг.

– Если это так, то скажу тебе, что эта твоя идея просто смехотворна: между ним и мной никогда ничего не было и не будет. Мы брат и сестра. К тому же, если тебе станет легче от этой новости, Энтони влюблен в другую девушку и желает жениться на ней, – тихо сказала Вивиан.

Все ее существо пылало отвращением к супругу и тому, что он нарочно увез ее от дорогой подруги. Он испортил ее день. Но она не стала спрашивать, почему супруг вернулся с охоты так рано.

– Какая удача! – насмешливо ответил Джереми.

Вивиан промолчала.

После этого короткого разговора никто из супругов не сказал ни слова до самого Уингтон-холла.

Когда экипаж подъехал к парадному входу, Вивиан торопливо покинула его и, зайдя в дом, быстрым шагом поднялась в их с Джереми спальню и не выходила из нее даже на ужин. У девушки пропал всякий аппетит, и она лишь с нетерпением ждала, когда ее супруг зайдет в спальню, чтобы вновь обсудить с ней брошенные ею в его лицо обвинения.

«Я не стану повышать голос и буду спокойна. Мы поговорим, как разумные существа, а не как животные, живущие лишь инстинктами. Он любит меня, и, уверена, я смогу донести до него то, что он заставляет меня страдать» – решила миссис Уингтон.

После того, как Джейн передела ее в ночное платье и расплела ее высокую прическу, Вивиан послала горничную отдыхать, а сама, сев за туалетный столик, принялась машинально расчесывать свои длинные огненные волосы густой щеткой. Ее тело и душа были напряжены, а разум пытался уловить звук приближающихся к спальне шагов.

И вскоре она услышала их.

– Ты не пожелала ужинать со мной, – было первым, что сказал ее супруг, войдя в спальню и подходя к ней.

– Я неважно себя чувствую. Ты был прав: кажется, этот злой ветер все-таки принес мне простуду, – ровным тоном ответила Вивиан.

– Очень жаль. Но давай продолжим нашу беседу, любовь моя, – тихим вкрадчивым тоном произнес Джереми.

Вивиан перевела взгляд от своего отражения в зеркале на отражение супруга. Ее изумрудные глаза широко раскрылись. Дыхание участилось.

Джереми стоял позади супруги, в нескольких шагах от нее, а на его раскрытых ладонях лежал длинный тонкий хлыст.

Глава 7

– Ты вновь куда-то собираешься? Так поздно? – молясь в душе, чтобы он ответил «да», спросила Вивиан. Она хотела, чтобы ее голос был спокоен, но не смогла сдержать пронизывающий ее душу страх.

«Господь, всемогущий, добрый, справедливый! Спаси меня от его гнева! Он изобьет меня до смерти!» – От этой мысли по телу девушки пробежали ледяные мурашки.

– О, ты об этом? – Джереми звонко ударил хлыстом о свою ладонь, словно демонстрируя его способности.

– Зачем ты принес с собой хлыст, любовь моя? – Вивиан положила щетку в верхний ящик туалетного столика и хотела было подняться на ноги, но строгое «Сиди», брошенное ее супругом, заставили девушку остаться на своем месте и продолжать смотреть на отражение Джереми в зеркале.

Вместо ответа, молодой человек подошел к супруге вплотную, положил хлыст на ее колени и стал нежно поглаживать пальцами ее шею.

– Я расскажу тебе забавную историю, – после минуты молчания тихо сказал он, и Вивиан вздрогнула от звука его голоса. – Когда мне было десять лет, отец

устроил званый ужин и пригласил тех немногих друзей, что у него были... – Джереми усмехнулся. – Пришло три семейных пары. Одни, без детей. Дети их спали дома, потому что было поздно: по капризу моего отца, ужин был назначен на десять часов вечера. Мне тоже было запрещено покидать свою комнату. Строго запрещено. Но я горел желанием взглянуть на гостей, поэтому тихо пробрался в столовую и незаметно спрятался за большую тяжелую штору. Но я не учел того, что штора не скрывала носков моих домашних туфель, и вскоре был обнаружен.

Джереми замолчал и слегка поморщился, как будто эти воспоминания причиняли ему боль. Но его пальцы продолжали гладить шею жены, которая сидела перед ним бледная и напряженная, как слишком натянутая струна.

– Мой отец разозлился на меня. Его гнев был так велик, что он стал ругать и оскорблять меня при своих же гостях. Он был пьян. От него так разило спиртным, что я едва не упал в обморок от этого тогда противного мне запаха. Ведь я был всего лишь любопытным ребенком, недавно потерявшим мать. – Мистер Уингтон глубоко вздохнул, и его темные глаза впились в отражение лица Вивиан. – Я навсегда запомнил его лицо: красное, как томат, такое красное, что я думал, его голова взорвется.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось испытать такой ужас, да еще и будучи невинным маленьким мальчиком, – тихо произнесла девушка.

– Мне тоже. Но это еще не конец истории. – Джереми наклонился и вновь взял в руки хлыст. – Отец отправил меня обратно в комнату, и я лежал без сна, в слезах. А когда поздней ночью гости уехали, он ворвался в мою комнату, вытащил меня из постели, схватил за руку и потащил в конюшню. Там он сорвал с меня ночную рубашку, привязал мои руки к столбу и отхлестал мою спину. Тринадцать раз. Я считал каждый его удар.

– Твой отец явно имел какое-то серьезное психиатрическое заболевание... Поступить так с собственным ребенком! – почувствовав к супругу искреннюю жалость, сказала Вивиан и взяла его ладонь, которой он гладил ее шею, в свою.

– Нет, он просто преподавал мне урок, – невозмутимо бросил тот. – Урок, который я запомнил на всю жизнь: никогда не перечь тому, от кого ты зависишь. Никогда не перечь тому, кто сильнее тебя. Ты разочаровала меня сегодня, любовь моя, и

я, как хороший муж, должен научить тебя послушанию. Но, так как ты всего лишь хрупкая женщина, я дам тебе только пять ударов.

Вивиан громко вздохнула и судорожно сжала ладонь супруга. Она не желала верить словам Джереми, но знала его характер и понимала, что он выполнит свою угрозу.

– Джереми, любимый мой супруг, мне кажется, ты слишком горячишься, – как можно более спокойным тоном выдавила из своего горла Вивиан. – Я и сама погорячилась, когда сказала тебе все эти ужасные вещи по пути домой. Но, дорогой, у меня было достаточно времени поразмышлять, и я нашла, что вела себя недостойно. Ты мой супруг, и я люблю тебя. Прости, если мои дурные слова причинили тебе боль.

Она не собиралась унижаться перед ним, не собиралась поддаваться его безумству, но инстинкт самосохранения взял верх над разумом, и из ее рта вырвалось эти полные унижения слова.

Ведь Вивиан знала, какую боль оставляет на человеческой коже хлыст: когда она была девочкой семи лет, нанятая ее отцом гувернантка била ее хлыстом по рукам за мельчайшую провинность или ошибки в письме. Девушка все еще помнила, как горела ее кожа, и какое унижение приносил ей тот тонкий хлыст, который гувернантка выпросила у своего работодателя. И отец Вивиан знал, как эта старая женщина применяет свое грозное оружие. Знал, но делал вид, будто не замечал этого.

– Извинения приняты. Но, мой ангел, я не могу просто так забыть о том, что произошло. Обещаю, что постараюсь бить не слишком сильно, – вкрадчиво ответил на это Джереми. – Поднимись с пуфа и повернись ко мне.

– Нет, я прошу тебя! – с отчаянием, едва слышно воскликнула его супруга и обняла себя за плечи, словно уже пытаюсь защитить свое тело от ударов.

– Дорогая, не бойся, мне нужны твои руки, а не спина, – словно утешая ее, произнес мистер Уингтон. – Но, если ты продолжишь упрямиться, боюсь, я должен буду применить силу, но в этом случае пострадают твои красивые ягодицы.

С ненавистью, горящей в ее сердце, девушка поспешно выполнила приказ своего супруга, и вскоре на ее поднятые кверху обнаженные нежные ладони опустился первый звонкий удар хлыста. Вивиан выдержала его и даже не вскрикнула, но последующие удары заставили ее тихо заплакать, особенно последний: казалось, Джереми нарочно ударил изо всех сил, чтобы причинить ей как можно больше боли.

После пятого удара хлыста ладони девушки, покрасневшие и немного опухшие, задрожали от боли, и она поднесла их к своим глазам, полным слез и страха.

– Пожалуйста, больше не перечь мне, любовь моя, иначе я вынужден буду вновь наказывать тебя, – тихо сказал Джереми и поцеловал супругу в губы.

– Обещаю, что тебе никогда больше не придется бить меня! – сквозь слезы, сказала Вивиан, вновь унизив себя и подчиняясь его воле. «Монстр! Чудовище!» кричала девушка внутри себя. – Но умоляю: позволь мне видеться с Шарлоттой и Энтони! Они единственные мои друзья в этом чужом мне городе!

– Хорошо. Но каждую ночь ты должна быть дома. Никаких визитов к мисс Сэлтон с ночевками, – улыбнулся Джереми и вновь накрыл губы жены поцелуем. – Но ложись спать. Мне нужно разобраться с кое-какими бумагами. Я разбужу тебя, когда вернусь, и ты должна будешь доказать мне, что запомнила мой урок.

– Как скажешь, дорогой, – машинально ответила Вивиан.

«И даже сейчас он не даст мне покоя! После того, как искалечил мои бедные ладони! – с отчаянием, смешанным с отвращением, подумала миссис Уингтон, и, когда ее супруг вышел из спальни, она легла в кровать, сложила руки на груди и, крепко зажмурив глаза, чтобы вновь не дать волю слезам, мысленно взмолилась: – Отец Небесный, Спаситель и Утешитель! Утешь меня! Дай мне сил выдержать все это ради того, кого я люблю больше себя!»

Следующим утром Джейн хмуро смотрела на синяки на теле подруги и ее опухшие дрожащие ладони и в этот раз не смогла сдержать эмоций.

– Что это за пятна у вас, мисс Вивиан? – прямо спросила она.

– Ничего, – тихо ответила ей та. – Ничего, Джейн.

– А что с ладонями? Вон какие красные!

– Забудь об этом.

– Но, мисс Вивиан... – запротестовала горничная, желавшая обсудить эту деликатную, но пугающую тему.

– Мы не будем это обсуждать. И держи язык за зубами, – несколько грубовато перебила ее Вивиан.

По ледяному голосу подруги Джейн поняла, что та была не в лучшем настроении для расспросов, и терпеливо ждала, пока мисс Вивиан сама поведаст о том, что с ней произошло. Однако горничная не была глупой и прекрасно понимала, кто оставил на шее и запястьях мисс Вивиан следы от своих жадных сильных пальцев, но не стала настаивать на своем.

«Прекраснее быть не может! Дом рядом с Шарлоттой! И как раз мне по средствам» – подумал Энтони, когда после раннего завтрака визит ему нанес мистер Вильям Браун, брат дворецкого Крэнфордов.

Проведя в Лиллехусе весь день, Энтони пришлось покинуть его после ужина, так как он сам же назначил встречу с мистером Брауном. Когда гость, пожилой гладковыбритый джентльмен в дорогом костюме появился, молодой Крэнфорд поведал ему о своем желании занять собственное жилье, а также огласил максимальную сумму ренты, которую смог бы платить. Внимательно выслушав нового клиента, мистер Браун, зарабатывающий хорошие деньги за свои услуги, улыбнулся и сказал, что подыщет для молодого аристократа что-нибудь достойное его статуса. Но долго ждать Энтони не пришлось: следующим же днем мистер Браун принес ему новость о том, что по такому-то адресу находится небольшой, но элегантный двухэтажный особняк, который ранее арендовал один из сыновей виконта Тэнлис. Молодой Тэнлис съехал оттуда лишь потому, что совсем недавно женился и переехал в дом, который входил в приданое его супруги.

– Особняк этот окружен небольшим садом, в котором также установлены несколько статуй и удобных скамеек, – добавил мистер Вильям Браун. – Если надумаете взять этот дом в аренду, насчет закупки мебели можете не беспокоиться: мистер Тэнлис оставил в нем свою, и, должен сказать, эта мебель достаточно дорогая и все еще в хорошем состоянии.

– Но где я буду держать моего коня? – поинтересовался Энтони.

– На территории находится небольшая конюшня, сэр, но, боюсь, она не вмещает больше трех лошадей.

– Что ж, это как нельзя кстати! – весело бросил молодой человек, подумав, что в его личной собственности находится лишь один конь, которого он приобрел за собственные средства.

Энтони не желал забирать с собой то, что ему не принадлежало. Ничего, даже простыней и одеял. Нет, он купит все сам. Он больше никогда не будет зависеть от матери и ее милости.

– Если пожелаете, сэр, я возьмусь за закупку нужных предметов быта, постельного, штор и прочей обстановки. Также я могу найти вам пару слуг, – словно прочитав мысли клиента, учтиво предложил мистер Браун.

– Я буду очень благодарен вам за помощь. Конечно, я оплачу все расходы. Сделайте этот дом уютным, но прошу, не нужно роскоши: мой бюджет весьма ограничен. Насчет прислуги: думаю, хватит повара и горничной... Ах, да, еще конюх, но предупредите его, что помимо ухода за моим конем ему нужно будет еще и помогать в доме, – твердо заявил Энтони, уже предвкушая тот миг, когда войдет в свой собственный дом, где будут его правила, и в котором завтрак будет подаваться тогда, когда он соизволит проснуться. – Сколько дней у вас займет оформление дома?

– Постараюсь устроить все в ближайшие дни, сэр, – пообещал мистер Браун. – Практика показывает, что небольшие дома обставить намного легче и быстрее, чем большие виллы. Однако мне нужна точная цифра бюджета, сэр.

Энтони назвал ему сумму, довольно щедрую.

– Превосходно, сэр. Тогда, если позволите, я займусь этим сейчас же, – получил он в ответ. – Как только дом будет готов принять вас, вы сможете сами все проверить, и, если останетесь довольны, он будет ваш.

Затем между сторонами был подписан официальный договор, включающий в себя и оплату услуг мистера Брауна, и оба, клиент и гость, довольные достигнутым, покинули дом.

Помня несчастное выражение лица Вивиан, когда вчера она покинула Лиллехус, молодой Крэнфорд решил побеседовать с ней прежде, чем он и Джереми отправятся на охоту. Зная, что на каждой охоте его друга, того постоянно сопровождают Аврелий и Марк, умные охотничьи псы, Энтони не стал брать своих собак. Вскоре, одетый в удобный охотничий костюм, теплый подбитый мехом плащ, высокие кожаные с мехом внутри сапоги, перчатки и шляпу, молодой человек прискакал к Уингтон-холлу.

«Черт, надо же! На радостях приобретения моего собственного жилья вблизи прекрасной мисс Сэлтон, я забыл дома ружье! – вдруг пронеслось в разуме Энтони, и эта мысль заставила его тихо рассмеяться над своей рассеянностью. – Но невелико горе! В коллекции Джереми находится с десяток ружей, и он с удовольствием одолжит мне одно из них»

– А вот и ты, Крэнфорд! Опоздал на четверть часа! – услышал Энтони веселый голос друга, уже ожидающего его во дворе особняка.

Мистер Уингтон был одет не хуже Энтони. Оба джентльмена поступили здраво, одевшись в теплые одежды: все еще темное холодное утро в который раз за этот ноябрь одаривало Лондон мерзкой моросью. К счастью, тумана не наблюдалось, и охотники могли быть спокойны, что никто из них не погибнет на этой охоте, по ошибке приняв друга за лань, что, к слову, редко, но случалось среди охотников.

Вивиан, стоящая рядом с супругом, и куталась в свою шерстяную шаль и мечтала о том, чтобы чудовище, за которого она вышла замуж, не вернулось домой этим вечером. Она отчаянно желала, чтобы Энтони прискакал, расстроенный, возможно, в слезах, и сообщил ей о том, что нечаянно застрелил Джереми. Девушка мечтала стать вдовой, и после того, как супруг избил ее ладони хлыстом, в ее разум стали вторгаться мысли об убийстве. Убийстве себя

или супруга. Она боялась этих мыслей и поспешно прогоняла их.

«Нет, я буду жить. Мне есть, ради кого. Но, если со мной что-то случится, Ричард получит ту сумму, что дал мне для моих расходов Джереми. Как хорошо, что все эти пять тысяч я храню в банке на имя моего Ричарда!» – утешала себя Вивиан и, наблюдая за кузеном, спешивающегося с коня, кричала внутри себя: – Промахнись, Энтони! Умоляю тебя, промахнись!»

– Я забыл дома ружье, – сообщил молодой Крэнфорд другу. – Возвращаться у меня желания нет. Одолжишь мне одно из своих?

– Конечно. Предпочтешь выбрать сам? – приветливо откликнулся на это Джереми.

– Меня удовлетворит любое, которое выберешь ты сам, – заявил Энтони.

– Тогда жди меня. – Джереми направился к своей супруге, прошептал ей на ухо: «Помни, что происходящее в нашей спальне должно оставаться нашей тайной, любовь моя» и затем скрылся в доме.

«Глупый гусь! Будто я собираюсь выставлять на всеобщее обозрение мой собственный позор!» – с презрением подумала Вивиан, но широко улыбнулась, когда кузен подошел к ней и пожелал доброго утра.

– Очередной мерзкий день... Хоть бы поскорее пришла зима с ее снегами! – вырвалось у девушки вместо приветствия. Она окинула наряд Энтони оценивающим взглядом и добавила: – Надеюсь, ты не замерзнешь на вашей гадкой ненужной охоте, дорогой кузен.

– Не беспокойся, моя дорогая ворчливая Вивиан, – усмехнулся тот. – Подобные наряды не раз спасали меня, даже в зимнюю стужу. Но как прошел ваш вчерашний день? Вы так поспешно уехали.

– Джереми чересчур беспокоится обо мне. Мы приехали домой и провели день в тишине и покое, – без запинки солгала миссис Уингтон. – Но как отреагировала на наш отъезд Шарлотта? И что теперь между вами происходит? – с хитрой улыбкой спросила она.

– Я безумно влюблен в нее, но ее чувства мне неизвестны. Она вежлива и дружелюбна. Вас, нежные создания, так трудно разгадать, – ровным тоном ответил Энтони. – Мисс Сэлтон была расстроена вашим отъездом, но я сумел поднять ей настроение своим весьма нелестным пением... Но у меня есть великолепная новость: через несколько дней я переезжаю из Гринхолла в свой собственный дом и ожидаю, что в первый же день моего переезда, меня посетят мои дорогие гости: ты, твой супруг и мисс Сэлтон, разумеется.

– Я горда тобой, дорогой кузен! – просияла девушка. – Тебе давно пора жить отдельно от матери. Но я тоже хочу поделиться с тобой хорошей новостью! Джереми разрешил мне видеться с Шарлоттой! И с тобой!

– Со мной? Неужели он был против наших с тобой встреч? – неприятно удивился мистер Крэнфорд.

– Нет, ты не так понял... Это смешно, но Джереми ревнует меня к тебе, – шепотом объяснила Вивиан. – Но не говори ему о том, что я поведала тебе об этом.

– Не стану, обещаю. Но, Боже, как он смешон! – прыснул от смеха Энтони.

– Именно. Ужасно смешон, – выдавила из себя улыбку Вивиан. – Но я пойду в дом: я ненавижу морось. Да и ты ведь слышал: сегодня ко мне приедет Шарлотта! Поэтому я точно не должна вновь заболеть. Я попросила бы тебя пощадить зверюшек, но знаю, что ты никогда не сделаешь этого... Поэтому, я скажу: «Удачи на охоте, дорогой кузен». – «И, пожалуйста, сделай меня вдовой» мысленно добавила девушка.

На этом они распростились.

Зайдя в дом, на лестнице Вивиан встретила своего супруга, который, неся в руках большое охотничье ружье, так счастливо улыбался, что девушке стало тошно от этой его кровожадной улыбки, но она пожелала ему счастливой охоты и ответила на его страстный поцелуй. Исполнив роль послушной жены, она направилась в спальню.

Сняв с себя влажную шаль, хозяйка дома повесила ее на спинку стула, у горящего камина, дернула за шнур, призывая в покои Джейн, и села за

туалетный столик, чтобы в который раз удостовериться в том, что высокий ворот ее утреннего платья скрывал синяки на ее шее.

Джейн появилась через несколько минут.

– Вызывали, мисс Вивиан? – с готовностью осведомилась она.

– Сядь рядом со мной, моя дорогая, – улыбнулась ее отражению Вивиан.

Горничная придвинула к туалетному столику мягкий стул и выполнила просьбу подруги.

Девушки тихо беседовали на разные темы. Джейн также с радостью сообщила подруге о том, что теперь ее мать вновь может брать в руки предметы и обслуживать себя, однако все еще борется с последствиями своих ожогов.

– Мисс Вивиан, вы запретили мне говорить об этом... Но вы так несчастны. Вы не хотите рассказывать мне, но я понимаю, все понимаю. Он бьет вас. И вчера я видела, как он шел в вашу спальню с хлыстом. А потом я увидела ваши руки, но только сегодня поняла, что он побил вас этим самым проклятым хлыстом! – тихим решительным тоном вдруг сказала Джейн и осторожно взяла красные распухшие ладони подруги в свои.

– Я знала, что от тебя это не укроется, – грустно улыбнулась Вивиан. – Кажется, я ошиблась, Джейн. Ошиблась, когда вышла за него замуж. Но я... Я не так уж жалею об этом. Все это сделано для Ричарда. Когда ты познакомишься с ним, то поймешь, что я сделала правильный выбор. Но, когда именно ты увидишь его, я не знаю. Надеюсь, скоро.

– Мисс Вивиан, мне так жаль вас... Скажите, могу ли я что-нибудь для вас сделать? – тихо спросила Джейн.

– Чем ты можешь помочь мне в моем положении, моя дорогая? – усмехнулась Вивиан, тронутая преданностью своей верной Джейн. – Сделать меня вдовой?

– Это большой грех, мисс Вивиан! – нахмутив брови, решительно сказала горничная и, наклонившись к лицу подруги, прошептала: – Вам нужно только

попросить... Только дать мне разрешение... И я освобожу вас от него!

Глава 8

– Джейн! Моя милая, добрая Джейн! – тихо воскликнула Вивиан и с силой сжала ладони подруги. – Что ты такое говоришь?

– Я знаю, как избавить вас от этого ужасного человека! Стоит только подмешать немного отравы в его бренди! – невозмутимо продолжала шептать Джейн. – Только не подумайте, что я травила кого-то раньше, нет! Только крыс...

– Милая моя, стой! – мягко, но решительно перебила Вивиан. – Я очень благодарна тебе за такую верность и за то, что ты хочешь защитить меня от него, но, поверь, это – не выход. Я не желаю, чтобы ни я, ни ты брали на себя такой грех. Да и ведь обнаружить в его крови яд будет очень легко. И тогда нас обоих посадят в тюрьму, а, может даже и казнят. Нет, Джереми не стоит этого!

– Мисс Вивиан, если все вдруг обнаружится, то я признаюсь, что это сделала я и что я сама захотела это сделать. Ну, подумаешь, сяду в тюрьму! Зато вы будете свободны от этого чудовища! – с чувством выдохнула горничная.

– Ты думаешь лишь обо мне, моя дорогая, но забываешь о своей бедной матери, – напомнила миссис Уингтон подруге. – Что она будет делать без тебя? Что она будет делать, если узнает о том, что ее дочь стала убийцей?

– Моя сестра позаботится о ней, – тихо прошептала Джейн, но решительность на ее лице сменилось тенью беспокойства. – Мисс Вивиан, мне нужно от вас лишь маленькое «да», и тогда ваша жизнь... Ваша и Ричарда превратится в Рай на земле!

– Слушай меня внимательно: я запрещаю тебе даже думать об этом! – строгим тоном сказала Вивиан, смотря в глаза подруги. – Выбрось из своей головы эти абсурдные мысли! Сейчас же! Джереми ужасен, да! Он чудовище, и я ненавижу его! Но он не заслуживает смерти... Хотя, кого я пытаюсь обмануть? – вдруг усмехнулась она.

– Вот видите! Несколько капель отравы в его вечерний бренди, и...

– Нет. Я повторю еще раз: «Нет!». Когда-нибудь он умрет и без нашей помощи. От алкоголя, от несчастного случая, от болезни... Через год, два, пять лет, десять... Но умрет. А я переживу его... Обязательно переживу! – Вивиан обняла Джейн, и та прижалась к ней, как к родной сестре. – Мы переживем это, моя дорогая. Переживем все.

– Как скажете, мисс Вивиан, – слегка недовольным тоном ответила горничная. – Как скажете! Но, если вы вдруг передумаете...

– Этого не случится, – твердо заявила та.

«Кто знает! – подумала про себя Джейн. – Я никогда больше не позволю ему бить вас хлыстом, моя дорогая мисс Вивиан!»

– Моя супруга сказала, что ты влюблен? – задал вопрос Джереми после того, как молодые охотники вкусили сытный ланч, спрятавшись от дождя в маленьком деревянном домике, построенном в гуще леса для попавших в непогоду путников.

– Влюблен, – подтвердил Энтони и втянул в легкие дым большой дорогой сигары.

– В кого? – уточнил Джереми и тоже затянулся.

– Пусть это будет секретом.

– К чему увертки?

– Хочу, чтобы моя помолвка с этой девушкой стала для тебя таким же грандиозным сюрпризом, каким была для меня твоя свадьба с моей кузиной, – добродушно улыбнулся Энтони. – Но, друг мой, признайся: сделал ли тебя счастливым этот брак?

– О, я счастлив, как никто другой. – Джереми внимательно взглянул на друга и, прищурив глаза, спросил: – С чего такое любопытство? Это беседа с Вивиан

натолкнула тебя на подобный вопрос?

- Вивиан? Конечно, нет. Она довольна и счастлива, - отмахнулся от него Энтони.

- Она сама так сказала? - вновь уточнил мистер Уингтон.

- Да.

- Думаешь, она любит меня?

- Об этом мы не беседовали, - легко солгал Энтони и покрутил в пальцах сигару. Странные, совсем некстати вопросы Джереми смутили его, но он не собирался выдавать Вивиан и ее истинное отношение к супругу, поэтому поспешил ненавязчиво сменить тему. - Но что ты? «Логово» стало прошлым? Или все еще балуешься?

- Я теперь семейный человек и, надеюсь, вскоре стану отцом, - вместо ответа бросил Джереми. - Да и к черту это «Логово». К черту проституток, когда у меня есть такая роскошная жена. А ты, братец монах, как я понимаю, не был в нашем доме удовольствий уже почти полгода.

- Именно. Ты прав: мы, так сказать, поумнели и поняли, что репутацию трудно заслужить, но так легко потерять. А мне моя хорошая репутация необходима, чтобы моя будущая невеста не чувствовала себя неловко, зная о том, какой образ жизни я вел до встречи с ней. - Энтони задумался, затянулся сигарой, а затем, выдохнув белый густой дым, тихо добавил: - Да и, стоит сказать, наше поведение в «Логове» можно прямо назвать «мальчишеским». Кстати, я говорил тебе о том, что нашел себе небольшой, но уютный дом?

- Не говорил, но я поздравляю тебя с этим, - с улыбкой отозвался на это Джереми. - Но кто подтолкнул тебя к этому шагу? Твоя заботливая, возможно, даже слишком, мать?

- И она тоже. А также Вивиан, - признался Энтони и насмешливо усмехнулся, вспомнив о том, как обманывал сам себя и пылал к кухне любовью и страстью. Но говорить об этой постыдной любви другу он не желал: что подумал бы Джереми, узнай он о том, что его лучший друг был влюблен в его теперешнюю

супругу? – Но в большей степени виконт Уилоби. Он видел меня не совсем трезвым после ночи в «Логове», и его реакция, а точнее, предупреждение, значительно повлияло на мое мнение.

– Старик Уилоби! Хитрый лис! Отец как-то говорил мне, что в молодости этот аскет не раз попадал в авантюры и скандалы. Но о твоей репутации он позаботился! Bravo! – громко расхохотался Джереми. – Что ж, кто стал дамой твоего сердца, ты мне не расскажешь, поэтому предлагаю продолжить охоту!

– Джереми, скажи мне... – начал было Энтони, но, вспомнив о том, что кузина попросила его не раскрывать ее супругу то, что он узнал о синяках на ее шее и запястьях, тут же нашел другой вопрос. – Известно ли тебе о том, что высшее общество Лондона очень удивлено тем, что вы с супругой давно не появляетесь на балах и званых вечерах?

– Правда? – равнодушно отозвался тот.

– Да, вчера мисс Сэлтон уведомила меня об этом, – подтвердил свои слова молодой Крэнфорд. – Все только и спрашивают: что произошло с милой миссис Уингтон? Куда она пропала? Ведь Вивиан довольно популярна в обществе.

– Хм, мы просто не желаем разъезжать по балам, – пожал плечами Джереми. – Но теперь я понимаю, что мы просто обязаны появиться на публике, чтобы дамы и господа уверились в том, что миссис Уингтон жива и здорова, и что ее супруг сдувает с нее пылинки.

«Так сдувает, что оставляет на ее коже синяки» – с неприязнью подумал Энтони, но, помня слова кузины о том, что это – результат их с супругом постельных игр, решил, что Уингтоны имеют делать в своей спальне все, что им вздумается.

Затушив сигары, охотники отдали остатки ланча собакам, надели свои мокрые шляпы и плащи, вышли из убежища под дождь и вновь сели на своих коней, которые через мгновение уже стучали копытами по грязной вязкой темной земле. Охотничьи псы Аврелий и Марк не отставали и, наслаждаясь быстрым бегом, подвывали от радости.

Несмотря на дождь, хозяйка Уингтон-холла была полна жизни: дорогая Шарлотта заставила ее сиять от радости. Как давно подруги не проводили время вместе! Вчерашняя их встреча, длившаяся чуть больше часа, не в счет, ведь именно сегодня девушки могли провести вместе целый долгий день! Лишь они вдвоем, без Энтони, без Джереми.

Вивиан вновь была одета в платье с длинными рукавами, а ее шею все так же украшал шелковый шарфик.

– Какой интересный стиль ты себе подобрала! – восхитилась мисс Сэлтон. – А я и не знала, что в Лондоне сейчас мода на такие красивые легкие шарфики! Думаю, пора и мне приобрести хотя бы один.

– Модно ли носить такой шарфик я, право, не знаю, но мне нравится, – с улыбкой на лице и горечью в душе ответила Вивиан. – Но, скажи, моя дорогая, неужели твои родители все еще не прислали тебе ни одного письма?

– Ах, да! Как хорошо, что ты напомнила мне об этом! – спохватилась Шарлотта. – Как раз сегодня утром я получила долгожданное письмо из Дании! Родители были так заняты попытками сохранить свои владения в Норвегии, что совсем позабыли о своей дочери! – Она тихо рассмеялась. – Но я не обижена на них, ни в коем случае!

– И что они пишут? – поинтересовалась Вивиан. – Надеюсь, скоро они вернутся в Лондон?

– Именно! Думаю, они уже в пути! – просияла Шарлотта. – И у них даже получилось не потерять свои норвежские владения! Правда, теперь они должны платить Швеции двойной налог... Но это лучше, чем ничего.

– Рада это слышать. Должно быть, это ужасно для них, быть так далеко от своей единственной дочери... Еще чаю? – улыбнулась хозяйка дома.

Девушки сидели в огромной уютной гостиной, перед любимым камином покойного мистера Уингтона, и пили чай со сладостями.

– Да, пожалуй. Твой отец, должно быть, тоже очень скучает по тебе, – мягко сказала Шарлотта. – Но, когда же я смогу познакомиться с ним? Должно быть, он очень достойный человек.

– Когда он приедет? – Вивиан приподняла бровь и протянула подруге чашку, полную свежего чая. – Увы, этого не знает он сам. В каждом письме он пишет лишь о своей типографии. Эта типография – его жизнь, знаешь ли. Именно эта проклятая типография нас и разорила. Но теперь, когда я стала богатой дамой, семейное дело Коуэллов вновь возродится. К счастью, Джереми позволяет мне отсылать в Кэстербридж довольно много денег.

– Это очень мило с его стороны.... – Мисс Сэлтон пригубила свой чай, а затем, оглянувшись по сторонам и тихо сказала: – Прошу, скажи, что твой супруг не накричал на тебя вчера. Я не вынесу этой мысли.

– Не волнуйся, моя дорогая, не накричал, – спокойно ответила Вивиан, подумав, что она поступила мудро, скрыв свои опухшие ладони под кружевными перчатками.

И ведь она сказала правду: Джереми не поднимал на нее голос. Он поднял на нее хлыст. Но Шарлотта, конечно, никогда не узнает об этом.

– Он такой странный, твой муж, – проворчала Шарлотта. – Честно говоря, я его побаиваюсь! Он запер тебя в золотой клетке, этот самый, что ни есть, настоящий лицедей! Я даже не могу найти подходящих слов, чтобы выразить мое недовольство!

– В этом ты права, моя дорогая Шарлотта, – тихо сказала Вивиан. Она держала свою чашку чая в ладонях, словно стараясь согреть их. – Но не будем о нем. Он не достоин того, чтобы мы тратили на него даже минуту нашего совместного времяпровождения. Мой супруг сейчас на охоте, и я надеюсь, он вернется лишь поздно ночью. – «И такой усталый, что оставит меня в покое» мысленно добавила девушка.

– Так даже лучше! – уверенно заявила на это Шарлотта. – Говорят, бал в честь помолвки герцога Найтингейла и мисс Бэкли уже в самом разгаре приготовления, а кое-кто утверждает, что такого роскошного бала Лондон не видел никогда! Что сам Принц Регент будет там! – прощепетала она, тотчас

позабыв о злосчастном мистере Уингтоне. – Но бедная мисс Бэкли! Ты затмишь ее своей красотой в такой важный для нее вечер!

– Не уверена, что я найду в себе силы посетить этот бал, – честно призналась Вивиан. – Помнишь, когда-то я сказала, будто не расстроюсь, увидев, как герцог ведет свою невесту на танец? Я солгала.

– О, нет, бедняжка... Ты все еще любишь его! – ахнула Шарлотта.

– Люблю? – задумчиво спросила ее подруга. – Я не знаю, любовь ли это... Не знаю, могу ли я, познав все ужасы брака, любить мужчину... Но при мысли о том, что, будь моим супругом он, моя жизнь была бы полна красок... И в ней не было бы... Как бы сказать это мягче... Не было бы этой ненависти... При этой мысли мне становится больно и тоскливо. Очень тоскливо... – Но затем Вивиан широко улыбнулась, отставила от себя чашку и подбросила в камин два небольших полена. – Сырость пробирает меня до костей. Этот дом такой большой, что я никак не могу согреться, даже в теплых платьях. Даже моя любимая шаль не спасает меня от холода. Джереми упрекает меня в том, что я все еще не ношу под сердцем нашего первенца. Он так желает стать отцом... Думаю, материнство пришлось бы мне по душе... Только подумай: маленький комочек счастья, твой, родной, теплый... Но я боюсь. Боюсь, что ребенок привяжет меня в Джереми так сильно, что я уже никогда не смогу покинуть его, даже если захочу.

– Брось эти мысли, моя дорогая, – ласково сказала Шарлотта. – Этот ребенок принесет тебе счастье.

– Или счастье, или горе, – печально ответила на это Вивиан. – Но я люблю детей. Даже очень. И Джереми так желает наследника!

– Дорогая, Бог даст вам дитя тогда, когда посчитает нужным. Значит, пока не время. – Шарлотта быстро допила свой чай и торжественно объявила: – А теперь веди меня к фортепиано! Я разучила новую английскую балладу!

Девушки провели вместе весь день. После довольно позднего ужина Шарлотта уехала домой, так как порядком подустала и, к тому же, не желала встретить хозяина дома, который, к счастью, все еще не прибыл с охоты. Подругам было тяжело расставаться, но Вивиан пообещала приехать в Лиллехус завтра после

ланча.

Когда мисс Сэлтон покинула Уингтон-холл, Вивиан уединилась в библиотеке и, надеясь на то, что ее ненавистный супруг не появится дома хотя бы еще пару часов, взяла одну из книг, села в кресло у камина и, открыв первую страницу, с любовью провела пальцами по покрытой черными мелкими буквами белоснежной бумаге.

– Пожалуйста, Господи, пусть он не вернется... Пусть сейчас зайдет Джейн и скажет, что мой супруг был нечаянно убит на охоте! – закрыв глаза, с чувством прошептала девушка.

Вдруг за дверью послышались громкие шаги, словно Господь услышал молитву Вивиан. Дверь в библиотеку с силой распахнулась, но глазам миссис Уингтон предстала не Джейн, а никто иной, как ее супруг.

«Жив... Цел и невредим!» – с отчаянием подумала девушка, но, чтобы скрыть свое разочарование, заставила себя улыбнуться.

Мистер Уингтон был в дурном настроении. Несмотря на удачную охоту, он продрог до нитки, был голоден, как волк, и проклинал свою шляпу, которую потерял в быстрой широкой лесной речке.

– Ты здесь, любовь моя? – бросил он супруге, подходя к камину.

Веселое горячее пламя так приятно согревало в эту холодную дождливую погоду!

– Дорогой мой, тебе нужно переодеться в сухое, – мягко заметила Вивиан, откладывая книгу. Она поняла, что возвращение супруга поставило крест на всех ее сегодняшних планах.

– И так сойдет. Все равно скоро мы пойдем в спальню, – ответил Джереми и взглянул на жену. – Как прошел твой день, моя дорогая?

– О, я провела его с Шарлоттой. Мы много пели и сплетничали, как и все девушки! – фальшиво рассмеялась Вивиан. – Она такая талантливая пианистка,

что мне даже захотелось брать уроки игры на фортепиано.

– Прекрасная мысль. Но учителем должна быть женщина. – Джереми сел в соседнее кресло и бросил взгляд на книгу, которую держала в руках его супруга. – Байрон? Тебе по душе романтика?

– Этот сборник стихов приносит мне душевное равновесие, – ответила Вивиан. – Когда я была моложе, мечтала встретить своего рыцаря. Смелого. Бесстрашного. Верного. – Она мечтательно улыбнулась. – Но такие герои бывают лишь в книгах.

– Ты права. Я рад тому, что имею такую любознательную супругу, но книги о рыцарях и их подвигах ради дам вызывают у меня лишь презрение, – с насмешливой улыбкой сказал Джереми.

Вивиан мудро промолчала, улыбнулась и сложила ладони на коленях.

– Как прошла твоя охота, любовь моя? – ровным тоном поинтересовалась она, зная, что такие вопросы льстят самолюбию ее супруга.

– Дождь бил в глаза, шляпа упала в реку, но я настрелял полный мешок дичи, – довольный собой, поделился мистер Уингтон. – Но, дьявол, я голоден как, бродячий пес!

– Я прикажу накрыть для тебя ужин, мой дорогой.

– Не стоит. У меня нет сил на еду.

«Прекрасно! Ты устал, мерзавец! Значит, сегодня ночью ты не тронешь меня!» – с облегчением подумала Вивиан.

– Мой бедный супруг! Тебе следует сейчас же лечь спать. А я, если позволишь, еще почитаю, – с мягкой улыбкой сказала она.

– Ты пойдешь со мной. Я мечтал о тебе весь этот проклятый мокрый день, – отрезал Джереми. На его лице появилась похотливая улыбка, а его взгляд, казалось, проникал под муслин платья супруги и ласкал ее тело. – И ты подаришь мне свои лучшие ласки, любовь моя.

При этих словах к горлу Вивиан подступила тошнота.

Нет. О, нет! Только не это!

«Ласки», которые он заставлял ее дарить ему! «Ласки», после которых она ненавидела себя и испытывала к себе чувство омерзения.

– Джереми, я... – вырвалось у девушки, и она отвернула лицо к камину.

– Что, дорогая? – тихо спросил тот, наблюдая за ней, как кот за мышью.

– Я больше не могу делать это! – на одном дыхании сказала Вивиан и перевела взгляд на лицо супруга, такое злое при ярком свете камина. – Я хотела сказать тебе это еще вчера, но ты не пожелал слушать меня.

Джереми криво усмехнулся.

– И почему же, любовь моя? – вкрадчиво спросил он.

Вивиан положила ладони на живот, вновь взглянула на супруга и улыбнулась спокойной, полной радости улыбкой.

– Потому что я ношу под сердцем нашего малыша.

Глава 9

Вивиан показалось, что ее слова не сразу дошли до уставшего от охоты и тяжелого дня разума Джереми: супруг лишь смотрел на нее, и за несколько минут с его уст не сорвалось ни слова. Прищуренный взгляд молодого джентльмена был задумчив, словно он рассуждал о том, правдива ли новость, которую он только что услышал.

Но девушка ошибалась: сердце ее супруга наполнилось теплом. Он был так рад, что не сразу смог найти слова, которые могли бы передать всю полноту этого чувства.

Он станет отцом. Отцом маленького чудесного наследника, а может, чудесной малышки. Пол ребенка не особо волновал его, хотя он не раз говорил супруге о том, что первым их ребенком должен быть мальчик. Но теперь, услышав новость и видя сияние в изумрудных глазах его красавицы-жены, мистер Уингтон понял, что будет рад и сыну, и дочери. И ведь это будет не последний ребенок. Вивиан родит ему еще двоих... Или троих. Он будет рад каждому. Позаботится о каждом. Его дети будут центром его вселенной, – так рассуждал и чувствовал Джереми, мужчина, рано потерявший любимую заботливую мать и никогда не чувствовавший любовь со стороны отца.

– Дорогой... Неужели ты не рад? – упавшим голосом тихо спросила Вивиан и нежно погладила свой живот. – У нас будет ребенок, а ты не рад ему?

Голос супруги вывел Джереми из тумана пленивших его мыслей, и, торопливо поднявшись с кресла, он упал перед Вивиан на колени, взял ее ладони в свои и с чувством поцеловал их.

– Конечно, я рад! Это самая прекрасная новость, которую я когда-либо слышал за всю мою жизнь! – с трепетом в душе воскликнул он. – Любовь моя, я так рад, что готов выйти на самую людную улицу Лондона и кричать, что стану отцом!

Вивиан тихо рассмеялась и взъерошила ладонью густые и все еще влажные волосы супруга.

– Не стоит, любовь моя, иначе ты промокнешь до нитки, – улыбнулась девушка.

– Я стану отцом... Я стану отцом! – Джереми счастливо рассмеялся и осторожно положил свои ладони на живот супруги. – Но ты уверена в этом? Как ты можешь знать?

– О, женщина всегда чувствует, что отныне в ней бьется два сердца. Кровь в этом месяце так и не пришла, к тому же, меня вдруг стало тошнить от запаха кофе, который ты так любишь пить во время завтрака, – спокойно объяснила Вивиан, с умилением наблюдая за поведением Джереми и счастливой улыбкой

на его красивом лице.

– Дорогая, ты должна была сказать мне вчера... Я был так зол на тебя, на твое непослушание... Я бил твои нежные ладони хлыстом! Прости... Прости, любовь моя! – Джереми вновь стал целовать ладони супруги, а его душа пылала раскаянием: а вдруг этот его поступок навредил малышу, растущему в животе Вивиан? – С этого дня я буду спать в отдельной спальне: не желаю, чтобы вдруг проснувшись во мне страсть заставила меня позабыть о том, что ты теперь в положении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/morion_anna/ptica-obrela-kryl-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)